

ДМИТРИЙ ВЕНГЕР

Терекрёстки, духи и руки

18+

Дмитрий Венгер
Перекрёстки, духи и руны

«Автор»

2019

Венгер Д.

Перекрёстки, духи и руны / Д. Венгер — «Автор», 2019

В тугой узел магии и причинно-следственных связей стягиваются судьбы: Юлии молодой и одинокой девушки тоскующей по своим умершим близким, маньяка Марка решившего стать "настоящим мужчиной" пройдя путём жестоких убийств, Семёна осознанного сновидца путешествующего тропами своих и чужих снов и Ирины тщетно пытающийся побороть "родовое проклятие". И хотя у каждого из них свой жизненный путь, пройдя сквозь "магический узел" никто из них не останется прежним...

© Венгер Д., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

45

Дмитрий Венгер

Перекрёстки, духи и руны

Пролог

Не всегда можно удержаться, чтобы не обидеть человека несправедливо, но всегда можно попросить прощения. Для этого нужно главное: не ставить себя выше людей.

Николай Амосов

Любят не тех, кто полезен, не тех, кто хорош. Любят тех, кого любят. Любят за что угодно и ни за что. Любят за то, что любят. Никакая привлекательность к любви отношения не имеет, никакой успех, никакая сила и красота, никакой интеллект. Ничего общего с благодарностью; если это благодарность, то лишь за жизнь, но не свою. Любовь не может быть заслужена, любовь только дарится и – принимается или не принимается. Любовь – сплошная несправедливость.

Владимир Леви «Цвет судьбы»

В классе было не очень шумно, так бывает на последних уроках, к началу которых большая часть школьников отлынивает под любым предлогом. Группа девочек тихо перешептывалась, обсуждая, как обычно в таких случаях, мальчиков.

– А как тебе Марк? – шутя, несерьезно, словно дразня свою подругу, спросила одна из них другую.

Та, обернувшись, оценивающе посмотрела на него, будто взаправду выбрала его и именно этот последний, оценивающий взгляд должен был решить все. Внимательно посмотрев на него, она поморщилась, на ее правильном, симметричном лице появилось выражение неудовлетворенности от увиденного.

– Так у него же вот, – сказала она, показав на половину своего мизинца. Девушки расхохотались.

Недоумевая, Марк затравленно разглядывал свою маленькую руку – большой, указательный, безымянный, средний, мизинец. «Пальцы как пальцы», – подумал он, с обидой глядя на сидящих на партах девчонок. Досаднее всего, что с ними была Наташа, в которую он, несмотря на все ее издевательства, был безнадежно влюблен. Она была его наваждением, от образа которой, явившейся однажды во сне, у него случилась поллюция. Он ходил за ней везде незримой тенью, становясь в ее присутствии частью мебели, чтобы просто быть рядом, тихо вздыхая ей вслед и наблюдая, как она общается с другими мальчишками. Он видел, как те лапают ее, а она больше для вида, чем со зла, раздаёт им тумаки.

Картина прошлого треснула, как брошенная в костер фотография в рамке, он замотал головой, избавляясь от нее, сейчас она мешала ему: эти воспоминания, такие болезненные, колючие, жгли ему глаза. Рядом, поскуливая, сидел Мик, закончив свои собачьи дела, он ждал вечерней порции корма.

– Вот она! – просиял его хозяин, показывая псу, своему почти единственному другу, девушку, подходящую к дому. Мик облизнулся.

– Она сделает меня настоящим мужчиной, поможет мне с моим перевоплощением! – продолжил Марк, не мигая глядя на приближающуюся фигуру.

Мик, почувствовав желание хозяина, который, видимо, тоже хотел вечерней порции мяса, облизнулся и проскулил что-то, переминаясь с лапы на лапу от нетерпения.

Девушка шла не торопясь, о чем-то задумавшись, ее темные волосы спадали ниже плеч, подчеркивая женственность фигуры, белая вязаная шапочка и такой же шарфик, а также кремовая курточка с белой опушкой на капюшоне делали ее похожей на снегурочку. Наташа нето-

ропливо шла домой, нерегулярные порывы ветра гнали впереди нее фантик от «сникерса», дорога была по-весеннему размыта, и лишь на обочине виднелся серый залежавшийся снег.

– Привет! – сказал ей кто-то. Голоса она не узнала и, обернувшись, никого не увидела. – Привет! – услышала она снова. Она повернула голову, и взгляд ее опустился вниз, на человека, который к ней обратился. Она была довольно высокого роста, почти под два метра, и подобный конфуз с ней иногда случался. Перед ней стоял маленький паренек, лицо казалось знакомым.

– Я Марк, мы учились вместе! – сказал он неуверенно, видимо, сильно волнуясь.

Она снисходительно улыбнулась.

– Да, я тебя помню.

Выбор, подавление, вселение

О, никогда под бледною луной

Так пышен не был тот уют лесной,

Где женщина о демоне рыдала.

Самюэль Тейлор Кольридж «Кубла Хан, или Видение во сне»

Ночь, темная и беззвучная, поглотила все в свои объятия, и лишь тусклый свет фонаря освещал запорошенную снегом подворотню. Он любил такие ночи, ночи охоты в этом оживленном мире, где каждый выживал как мог. Приходилось приспосабливаться, чтобы выжить. А чтобы существовать хорошо, необходимо проявлять изобретательность и очень осторожно взвешивать каждый шаг, дабы сохранить с большим трудом скопленную энергию. Он много думал об этом мире, обо всех его мрачных и несправедливых особенностях: отчего людям, столь бездарно тратящим свою энергию, людям, не способным в полной сладостной безудержной истоме наслаждаться жизнью, отмерено ее так много. Он поморщился, как от зубной боли, при этих мыслях, но внезапно взгляд его оживился. «Захрустел снег», – подумал он, уже готовясь к оценке того, по силам ли ему эта жертва. Темная фигура, повернув из-за угла, шла в сторону подворотни к тому фонарю, возле которого притаился Бес. И хотя свет не играл для его зрения никакой роли, ему нравилось сидеть именно здесь, люди любят свет и освещенные дороги, следовательно, и охотиться нужно возле таких мест, полагал он, стараясь рационально распределить свои силы, чтобы не бегать по дворам в поисках пищи.

Изучая приближающегося человека, он уже получил часть истории его жизни, и ликования его не было предела. «Женщина одинокая», – радостно думал он и внутренним чутьем стал обнюхивать ее ауру, черные вкрапления, трещины, проблемы в жизни, с мужчинами. Разумеется, ему не дано видеть все, как другим, более развитым существам, до могущества которых он грезил добраться, но того, что ему открылось, было достаточно.

Девушка, ощутив непонятное волнение и даже страх, озиралась по сторонам, но вокруг было тихо. «Что это со мной?» – подумала она, чувствуя, как сильно бьется сердце.

Бес выжидал. Есть ли у нее защитник? В этом сумбурном глупом мире у такой серой мышки с пробитой аурой мог оказаться защитник, этакий дух покойной бабушки, мелкий ангелочек с розовым задом и белыми куриными крыльями. «Нет, не похоже», – оскалившись в предвкушении, подумал он. Точно нет. И, сорвавшись с ветки, полетел к жертве.

Неутолимое волнение и чувство опасности, страха не давало ей покоя, как в то утро, когда умер дедушка. Вдруг нахлынуло это болезненное воспоминание, где-то гаркнул ворон, и с ветки посыпался снег, это резко выдернуло ее из печальных грез прошлого.

«Странно, – подумала она, – ветра же нет, да и птиц тоже. Отчего так холодно? Ноги мерзнут, надо хорошую новую обувь взять, только вот где взять деньги на эту обувь?»

С тоской подумав о своем одиночестве и смерти дедушки, она едва не разрыдалась. «Да что же это со мной? Не хватало еще на холоде расплакаться, домой надо», – и, шмыгнув носом, она поспешила к дому, к любимому с детства скверу, где жили воспоминания о маме, папе и дедушке, их никого уже нет, только сквер и чужой снеговик возле подъезда. Едва сдерживая

подступившие слезы, она взлетела по лестнице, на автомате открыв дверь домофона, и, лишь зайдя в квартиру, разрыдалась.

Преодолеть первую границу ауры было нетрудно: за века он научился справляться с этим мастерски, вторая граница – скорлупа, тоже не представляет для него особой сложности, надо лишь немного поддеть, впрыснуть туда темную и вязкую жидкость, словно гарпун, и человек сам начнет накручивать себя, тем самым всосет его, впустит в свои покои, и вот здесь уже можно обживать. Радуюсь теплу жизни, Бес ослабил:– «Эта дуреха накручивает себя так лихо, что у меня с непривычки может случиться несварение и запор, – в сердцах подумал он, забавляя себя, – добратся хотя бы до первой струны души¹! Хотя ладно, это я тороплюсь, сначала надо поесть и обустроить тут все», – закончил свои рассуждения Бес.

...Ей снился сон. Она сидела на остановке в безуспешной попытке уснуть, но слишком короткий плед, закрывающий лишь половину тела, лишал ее этой возможности, а жесткие деревянные сиденья врезались в бок, заставляя менять положение тела. В бесконечных попытках устроиться она в итоге продрогла. Холодный ветер, какой бывает в конце октября, забирал тепло отовсюду, готовя землю к долгому летаргическому сну, сжимая, стягивая реальность окружающего мира в черно-белые тиски уныния и скорби по безвозвратно потерянному солнцу.

Ощувив, что рядом кто-то есть, она напряглась, заозиралась по сторонам, но вокруг был только холодный ветер и печаль. Вдруг она ощутила, что мимо нее кто-то прошел, стало жутко, пустая остановка, и вокруг никого, только острое понимание чьего-то присутствия. Встав и завернувшись в плед, который мало спасал ее от холода, она решила обойти остановку, заглядывая за каждый осиротевший без зелени куст. Подойдя к витрине, где красовались, привлекая ее внимание, различные товары, которые теперь продавались на каждой остановке, от стирального порошка до консервированного зеленого горошка, она просто стояла, вслушиваясь в тишину. Мир вокруг застыл в каком-то садистском оцепенении, словно все самое худшее уже произошло. Еще раз осмотрев витрину, она вернулась на скамейку, укутавшись с ногами в плед. И снова это ощущение ужаса, сковавшее ее лицо гримасой невыразимого страха: рядом кто-то присел, кто-то невидимый, кто-то желающий ей зла. Вскочив, она уперлась спиной в витрину, тараща глаза на пустую продуваемую ветром остановку, пока чувство угрозы не переместилось ей за спину, заставив отпрянуть от холодного стекла. «А может, там кто-то есть?» Присев, она стала всматриваться в стеклянный полумрак киоска, и полоч позади кассового стола, пока не увидела глаза, только глаза без остального лица, ее глаза в отражении витрины, очень злые глаза.

Реальность поплыла, и она оказалась в своей квартире в прихожей перед зеркалом, бешено колотилось сердце, из зеркала на нее смотрело ее лицо, но страх собственного отражения не отпускал. Услышав шорохи в гостиной, она улыбнулась, с чувством облегчения выдохнула. «Это дедушка! Надо ему обо всем рассказать», – подумала она, радостно поспешив в комнату. Но, почти оказавшись на пороге, она столкнулась с кем-то невидимым. Отброшенная неизвестной силой к стене, она прижалась к ней в необъятном ужасе, осознав, что дедушка умер, так же как и мать, и отец, а в ее квартире кто-то есть. Дернувшись, она побежала в спальню, судорожно вцепившись ногтями в древесину двери, защелкнула шпингалет с какой-то фанатичной уверенностью, что он способен ее спасти. Прыгнув в кровать, она укрылась одеялом в тщетных попытках унять озноб и страх, от которых тряслись ее руки, зубы и все

¹ Струны души – шкала эмоциональных тонов, которую разработали сайентологи, различаются несколько тонов: 1) энтузиазм; 2) интерес; 3) безразличие; 4) скука; 5) раздражение; 6) гнев; 7) жалость; 8) страх. Каждому из этих соответствует своя температура, цвет, звук.

тело. Прижав к себе ледяные ноги, она обхватила их руками вместе с подушкой. В полумраке комнаты тикали часы, а из гостиной доносились шорохи и шаги...

Проснувшись, она подскочила на кровати, вся покрытая липким холодным потом и гусиной кожей от ужаса и реальности сна, а страх выйти из спальни был ощущаем физически.

Красное на сером

О одиночество, как твой характер крут!

Посверкивая циркулем железным,

Как холодно ты замыкаешь круг,

Не внемля увереньям бесполезным.

Белла Ахмадулина

– Что с твоим лицом? – вытаращив свои большие совиные глаза, прошептала, не скрывая своего удивления, Нонка. Ты опять всю ночь ревелла?

– Почему опять? – возмутилась Юля. И не ревелла я, это простуда, а еще не выпалась.

– Ну, ну, – многозначительно и недоверчиво проворчала Нонка. Что же тебе мешало выпастся, у тебя завелся герой-любовник? – с нескрываемым сарказмом продолжила она.

– Что, больше сказать нечего? Какая бурная фантазия! Просто не выпалась, легла поздно, и отстань уже от меня, – зашипела Юля, чувствуя досаду.

Нонка лишь фыркнула в ответ.

«Вот зараза, тоже мне подруга, ехидная. Ей-то что, новая тема для сплетен. Это у меня ночь была ужасной, эти мерзкие сны. И отчего так тошнит, и, наверное, нервы, – думала Юля. – Надо взять что-нибудь для нервов, хоть валерьянки. Ох, уже половина девятого, Леонид Аркадьевич скоро придет, надо приступать к работе, хочешь не хочешь, а отчет сделать надо к обеду. А то все только позлорадствовать могут да посплетничать – это запросто, как эта Нонка – «подруга», тоже мне, наверняка уже кости мне перемывает, – мысленно ворчала на коллегу Юля. – Ну точно, вон уже с кем-то перешептывается, ладно надо работать».

Время близилось к обеду, когда, закончив и распечатав отчет, Юля наконец расправила затекшую спину и отправилась к своему начальнику. И, постучав, вошла в кабинет.

– Ах, Юлечка, проходите, – засопел Леонид Аркадьевич, перебирая грудку папок в своем шкафу. Из-за своего грузного, габаритного тела он страдал от постоянной одышки, впрочем, это не мешало ему, если верить слухам, конечно, приударить за молоденькими девушками, особенно практикантками, и даже за понятно, какие услуги, устраивать их на работу. На Юлю же он всегда смотрел как на пустое место, что ее только радовало, и она оставалась просто бессмертным пони, выполняющим любые задания, даже не входящие в ее компетенцию, что позволяло ей хоть и много, но тем не менее спокойно работать.

– Отчет, Леонид Аркадьевич, – елейным голоском прошептала Юля.

– Ну, Юлечка, ты, как всегда, ответственна и пунктуальна, – пропел Леонид Аркадьевич и, раскрыв папку, стал внимательно изучать результат ее трудов.

Она терпеливо ждала, пока он, вытирая платком пот со своей отражающей свет лампы лысины, закончит чтение. И, заметив в его глазах блеск удовлетворенности спросила, поздно спохватившись двусмысленностью своего вопроса:

– Что-нибудь еще, Леонид Аркадьевич?

Леонид Аркадьевич с интересом самца гориллы, увидевшего новый банан, пронзил ее взглядом, с аппетитом ресторатора оценивая ее фигуру и грудь как некое меню, словно прикидывая очередность блюд, и, лишь дойдя до ее лица, выражающего беспристрастность и терпение, его взгляд стал более осмысленным.

– Вы простите мне мою бесцеремонность, Юлия, но говорят, вы не спите по ночам, плачете. У вас проблемы с молодым человеком?

– Леонид Аркадьев... – запнулась Юля от подступившего к горлу кома, что дало возможность ее начальнику перебить ее и продолжить.

– Да, я понимаю, не мое дело, – хитро улыбнулся самец гориллы, – но если вам, Юлечка, потребуется мой дружеский совет, я всегда рад его дать. Вы ответственный сотрудник, Юлия, в отличие от многих здесь работающих, и мне бы хотелось, чтобы на этой почве между нами возникли бы более дружеские отношения.

«Вот тебе раз, „туши свет“, что называется», – с удивлением посмотрела на него Юля.

– Я всего лишь приболела, Леонид Аркадьевич, зима – холодно, но я уже выздоровела, – промямлила она, не зная, что сказать, чтобы как можно быстрее покинуть его кабинет.

– А, ну конечно, Юлечка, извините мне мою назойливость, вы можете идти, и лечите свою простуду, неправильно это – переносить ее на ногах, а в следующий раз можете взять больничный, – многозначительно закончил самец гориллы, уткнувшись взглядом в ее живот как в главное блюдо предстоящего торжества.

Выйдя из кабинета, она чуть не разрыдалась от своей беспомощности.

– Знает, свин, что я одна, – прошептала Юля, выйдя на кафедру продуваемого сквозняками холла, тая и расплзаясь в разные стороны от своей незащитности и одиночества, она поспешила в уборную.

И тут откуда-то из глубины ее сущности поползла озлобленность на весь мир и непреодолимое желание выцарапать Нонке глаза. «Вцепиться в ее широкую накрашенную физиономию и... Господи, откуда у меня такая кровожадность?» – одернула себя Юля, испугавшись, она посмотрела на свое отражение и умылась холодной, ледяной водой, бьющей из крана, который она на нервах открыла на полную.

Входя в глухую оборону, подобно ежу, и с большим трудом подавив гнев и боль, она, вернувшись на рабочее место, погрузилась в рутину работы, стараясь забыть, не думать о произошедшем и поскорее дожить до вечера и добраться до дома. От мыслей о доме, как об оазисе защищенности, крепости стен, ей стало легче, словно она уже оказалась в нем, в каменной броне родных стен.

Пять рабочих часов пролетели быстро. Бросив взгляд в окно, она заметила, что стало смеркаться, обрадовавшись и с облегчением выдохнув, только бы покинуть это место, она стала собираться, но тут возле ее стола вдруг появилась габаритная фигура с улыбающимся лицом.

– Гоша? – удивилась она, глядя на водителя и курьера, уже успевшего вернуться обратно.

– Это вам, Юлия, – явно скромничая, прошептал он, положив ей на стол шоколадку.

– Спасибо, – вежливо улыбнулась Юля. «Вот приставучий детина, только тебя мне сегодня не хватало. Как объяснить, что я с детства не люблю шоколад, сказать – обидится, не сказать... Да лучше ничего не говорить», – немного подумав, решила она.

– А в честь чего презент? – спросила Юля, причем голос, весь день сдерживающийся от внутренней агрессии, прозвучал слишком строго и холодно, так что выражение «счастливого дурака» просто смылось с лица Гоши.

– Просто так, – промямлил тот. – Вы сегодня такая красивая.

«Да ладно, я красивая, что за день сегодня? Спокойно, Юлия, держи себя в руках, не надо отыгрываться на бедном Гоше».

– А что, я обычно страшная? – спросила она тем же голосом и искренне надеясь, что парня сейчас просто сдует.

– О нет, я ничего такого не хотел сказать, извините, Юлия, мне пора! – протараторил Гоша и быстро ретировался.

И тут ее как прорвало, долго сдерживаемые эмоции выплеснулись на волю истерическим смехом и болью в животе от бессилия остановить этот смех, который, как терапия измученных нервов, шел из глубины души, давая грубому физическому телу порцию эндорфинов. Утерев слезы радости, она, спешно убрав документы по ящикам и выключив компьютер и свет, вышла

на улицу. Падал легкий снежок, городом владели безмятежность и спокойствие, свойственные последнему дню недели, пятнице.

Истерический смех, немного поднявший ее настроение, вся эта суета и кошмар прожитого дня отошли, вторя атмосфере города, на второй план – темных закоулков души, жаждущих забвения, только вместо спокойствия и неги пришла пустота, пустота «пустой квартиры и одиночества», когда спешить домой не имеет смысла, а жизнь теряет свое сакральное значение любить.

Сладостный реализм сна

Когда человек спит, нечто в его сознании позволяет ему понять, что все происходящее – это сон.

Аристотель

С трудом открыв слипшиеся от долгого сна веки, он потянулся, тело с сонной истомой выгнулось и с неохотой расправилось, вяло раскинувшись на кровати. Часы на будильнике показывали двенадцать часов дня. «Прилично», – подумал он, посчитав в уме продолжительность этого ночного полета, учитывая, что лег спать он в шесть вечера, а встал в двенадцать дня. Нехотя повернув голову, он посмотрел, как солнечные лучи, проникая сквозь плохо зашторенные занавески, греют паркет длинными солнечными колоннами. Рядом тихо тикают все те же часы, а в комнате пахнет сном, этим приятным запахом домашней неуклюжести и несобранности, в каком-то смысле даже уютном, теплом пледа, подушек и хорошей книгой, обязательно сказкой.

Он улыбнулся, встал. Пройдя на кухню, поставил чайник, кофе он не пил принципиально, учитывая его хобби и в связи с важностью контроля своего сердечного ритма и дыхания, кофе являлся тем напитком, употреблять который любому сновидцу было противопоказано. Телевизор он тоже не любил, слишком много мусора, способного засорить пространство сна, потому он предпочитал радио, включив которое он узнал знакомую передачу «стола заказов», где люди звонят и просят поставить любимую песню, он тоже иногда звонил туда, музыку он любил, хорошую музыку и качественный звук. Увидев свою фотографию с братом, он по-доброму улыбнулся. Молодые, смешные, сонные и, хотя брата уже нет в живых, это фото все равно будило в нем лучшие воспоминания.

Сеня был его старшим братом, первопроходцем, изучившим пространство сновидения и осознанность сновидений, дотошным, смешным, он знал кучу анекдотов и обожал солнце и море Юга России. Считал эти края самыми чистыми и правильными. Семен никогда не понимал этой любви брата, даже потом, когда Сени не стало и он начал общаться с ним во снах, тот всегда говорил ему какую-то чушь о правильном солнце и песочных часах из самого мелкого южного песка. Протерев фото рукой, Семен поспешил выключить чайник, свист которого уже начал усиливаться. Сегодня у него важная встреча, в узких кругах существовал, как это ни странно, спрос на осознанных сновидцев, на протяжении всей истории человечества таинство сна притягивало внимание жрецов, магов, философов, правителей. Снам придавали большое значение, стремились раскрыть их загадки, предсказать судьбу, итоги важных политических решений. В древности верили, что душа во время сна может покинуть тело для общения с богами. Также известно существование у буддистов такой практики, как разновидности йоги, способствующей осознанному существованию во сне. Да и в Библии описана история, как Иосиф объяснил фараону значение сна², чем спас население Египта от голодной смерти. Самое первое же письменное подтверждение об осознанности сна содержится в письме, написанном в четыреста пятнадцатом году нашей эры Блаженным Августином³. Он описывал опыт

² Книга Бытия 41:1-36.

³ Аврелий Августин Иппонийский (Блаженный Августин) – христианский богослов и философ, влиятельнейший пропо-

сна Геннадиуса, доктора из Картежа, который маялся вопросом загробной жизни и непроизвольно проснулся во сне. Что касается термина осознанного сновидения, то его ввел голландский психиатр и писатель Фредерик Ван Эден⁴ в тысяча девятьсот тринадцатом году в статье «Исследование сновидения», а позднее существенно доработал этот феномен Стивен Лаберж⁵, американский психофизиолог, который подробно расписал практики вхождения в своих книгах «Осознанное сновидение» и «Практика осознанного сновидения». В эзотерической литературе сам термин возымел известность благодаря Карлосу Кастанеде⁶. Сам Семен несколько раз читал его книги, но они казались ему слишком сложными, да и Сеня, по чьим стопам шел Семен, отзывался о нем посредственно. Семен в развитии своей способности осознанных сновидений во всем полагался на старшего брата, отчего, экономя силы, получал самую важную и необходимую информацию как о сне, так и способах существования там. Из литературы, которую братья нашли любопытной, выделялись труды В.И. Громова «Осознанные сновидения», в которых имелись наборы техник по осознанному существованию во сне, а также Роберта Алан Монро⁷ «Путешествие вне тела». И хотя способы, подробно расписываемые многочисленными авторами, никогда не работали именно так, как должны, и все приходилось подгонять под себя, братья, и особенно Сеня, ушли в этом вопросе очень далеко, создавая свои способы и систематизируя знания. И лишь потом, когда Сени не стало, Семен продолжил этот путь один.

В Измайловский парк, где была назначена встреча, он приехал за полчаса до назначенного времени, смахнув со скамейки выпавший снег, он стал наслаждаться умиротворением зимней природы. Эта встреча его мало беспокоила, все как всегда, извлечение нужной информации, прощупывание слабых мест, чтобы втереться в доверие к власти имущим, или шантаж, ведь если знать по наводке осознанных сновидцев, что искать, можно не только сэкономить время, но и много чего найти.

Его вероятный собеседник появился за десять минут до назначенного времени, и хотя в парке в субботу гуляло мало народу, этот человек выделялся среди всех, что-то неуловимо холодное проскальзывало в его взгляде и интересе к этому месту. Увидев Семена, он зацепился за него взглядом, и тот кивнул ему в ответ.

– Добрый день, это вы Семен? – спросил незнакомец, подойдя ближе.

– Да, а вы, видимо, Генрих?! Присаживайтесь!

Незнакомец, слегка брезгливо оценив скамейку, смахнул с нее снег и сел рядом с Семеном, руки друг другу они так и не протянули.

– Да, это я Генрих. Мне говорили, что у вас есть достаточно необычные способности, которые в известной степени были востребованы моими, так сказать, знакомыми.

– Да, такое возможно. Что вас интересует? – холодно, по-деловому спросил Семен.

– Есть определенный человек, к которому мы никак не можем подобрать ключ. Вы понимаете?

– Да, я понимаю, – кивнул Семен, не спуская взгляда со своего собеседника. Не нужно подробностей, только фото и его данные.

ведник, епископ Гриппонский (с 395 года), один из отцов христианской церкви.

⁴ Фредерик Виллем ван Эден – голландский прозаик и поэт, а также врач-психиатр. Особый след Фредерик Эден оставил в учении о сновидениях. Еще с 1889 года он начал вести дневник сновидений, но лишь с 1896 года принялся за систематическое изучение снов, а в 1897 году пережил свое первое осознанное сновидение. С тех пор он начал разрабатывать теорию сновидений, закончить которую, впрочем, ему так и не удалось. В 1909 году он опубликовал свои предварительные исследования в области сновидений в художественном произведении «De Nachbruud: De Gedenkschriften van Vico Muralto» («Невеста ночи: воспоминания Вико Муральто»), которое вскоре было издано на английском языке под названием «Невеста из сновидений».

⁵ Стивен Лаберж – психофизиолог, лидер в области изучения осознанных сновидений, которые он определяет как особое измененное состояние сознания, при котором человек осознает, что видит сон, и может контролировать ход его течения.

⁶ Карлос Сесар Сальвадор Аранья – американский писатель и антрополог, этнограф, мыслитель эзотерической ориентации и мистик, автор 12 томов книг, разошедшихся тиражом в 28 миллионов экземпляров на 17 языках и посвященных изложению эзотерического учения о «Пути знания» индейца из племени яки дона Хуана Матоса. Доктор философии по антропологии.

⁷ Роберт Аллен Монро – американский исследователь, автор книг о вне телесном опыте.

– Да, конечно, – удовлетворенно кивнул Генрих, доставая из внутреннего кармана конверт. Это вам.

Семен взял его, взвесил на руке, конверт был довольно плотным и весомым.

– Очевидно, здесь не только фото? – спросил он.

– Да, это ваш аванс.

– Вы очень щедрый человек, – убрав конверт в карман, ответил Семен. Какого рода ключ вам нужен?

– Любой. Нам нужен любой ключ и желательно характеристика вероятных слабых мест нашего человека.

– Сроки?

– Недели вам хватит?

– Вполне, – уверенно и даже немного расслабленно ответил Семен.

– Тогда до встречи, через неделю на этом месте, – закончил его собеседник и, не дожидаясь ответа, встал и пошел в сторону выхода из парка.

Семен молча посмотрел ему вслед, тоже встал, но пошел в другую сторону, он любил этот парк, а еще ему нужно было подумать.

«Странный этот Генрих, даже для человека, знающего и понимающего возможности осознанных сновидений. Одет хорошо, но без излишеств, строгий деловой стиль. Часы, может быть, перстни?... Нет, ничего этого на нем не было. Обручальное кольцо? – Семен даже нахмурился, пытаясь вспомнить и восстановить образ своего клиента до мелочей. – Нет, кольца не было, запонок тоже, галстук простой, без оригинальности, такие все носят. А пришел он на десять минут раньше, пришел, не торопясь, спокойно осматриваясь, он привык приходить заранее. Что из этого следует? Либо он пунктуален и любит контроль, либо он посредник, вероятно, его хозяин или босс даже не в курсе, каким способом его слуга получит нужную ему информацию. И просто приказал ему подобрать подход к этому человеку, найти ключ, и он обратился ко мне. Да, это логично. Хотя есть еще третий вариант, что Генрих – никакой не Генрих, а сотрудник спецслужб, – но об этом Семен даже не захотел думать, ибо это было очень плохо, прежде всего для его безопасности и свободы перемещения. Что касается поставленной задачи, то она проста и банальна, и вполне достижима. – Что ж, небольшой отдых перед этой работой я могу себе позволить». – Семен даже слегка улыбнулся.

Он шел по залитой солнцем аллее, свежий зимний воздух приятно наполнял легкие кислородом и бодростью; увидев девственное покрывало непротоптанной тропинки, он с азартом и даже радостью свернул на нее, наслаждаясь солнечной погодой и хорошим настроением. Проходя мимо припорошенных снегом кустов, внимание его привлекло какое-то несоответствие, нога замерла в шаге, и он обернулся. Из-за куста виднелась голая рука. Он подошел ближе и отодвинул ветки, осыпался снег, и картина была жуткой. На белом пушистом снегу лежало обнаженное мертвое тело девушки. Семен пошатнулся. Он и раньше видел смерть, видел мертвым своего брата, когда тот покончил с собой и навсегда ушел в мир снов, видел мать, сестру, что умерла совсем маленькой от воспаления легких, много раз хоронил друзей. Но такого! Длинные светлые волосы так засалены и покрыты пылью и грязью, что потеряли цвет, изможденное болью и страданием лицо, синюшные кровоподтеки на руках, животе и ногах, слипшиеся от крови волосы между ног. Холодные, пустые небесно-голубые глаза, потерявшие веру и надежду на жизнь, на встречу с любимыми, с мамой, папой, возможно, парнем, домашним животным, надежду снова прикоснуться к теплу родных стен. «Она умирала долго, – понял он, – сначала психологически ее сломали и только потом физически, умирая, она уже свыклась со смертью, и было отчего – ее изнасиловали. Что за животное могло сотворить такое?» – прошептал Семен, не чувствуя, как сильно сжаты его кулаки в карманах куртки. Не сразу сообразив, что ему делать, он не своим голосом позвонил в экстренную службу.

Бойлерная

И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором, и зверями земными.

Откровения Иоанна Богослова глава 6

Раньше его часто мучили сны, кошмарные, тяжелые, где он тонет, бесконечно тонет в земле. Разводит ее руками, жирную, сочную после дождя землю, что превращается в жижу, затаскивая его в себя, а он, он вонзает в нее пальцы в попытке спастись, выплыть, хватается перекошенным лицом воздух, но потом захлебывается этой грязью, чувствует ее вкус, скрипучий вкус земли на зубах, и тонет во мгле этих нечистот, видя, как земля смыкается над ним крышкой гроба, погружая его во мрак вечного болотного тления.

Но все изменилось, когда появился Денни. Марк не помнил, как это произошло, хотя много раз напрягал свою не очень умную голову в порывах логического рационализма, но все без успешно. Да это и неважно, ведь Денни научил его не бояться, полюбить ее, эту зловонную грязь, воплощение всех мыслимых пороков. И вот Марк сам стал есть ее во снах, с удовольствием и фанатизмом человека, дорвавшегося до самого лучшего лакомства своей жизни, погружаться в нее, словно в целебную грязевую ванну. И сны ушли, оставили его, а Денни остался, он еще многому научил Марка, в том числе самому главному: как утолять голод и желание. Вспомнив вчерашнее наслаждение от обладания своей первой женщиной, Марк снова возбудился, несмотря на то, что был очень изнурен этим знакомством с женщиной.

Ее крики, ее тело – как же ему было хорошо. «Целая женщина, и вся моя», – думал он, не дурацкие картинки мужских журналов, которые покупал Марк, каждый раз краснея на кассе, а настоящая женщина, дышащая, пахнувшая своим неповторимым запахом, женщина, которую он, Марк, выбрал себе сам, как настоящий мужчина.

Чувствуя волнение в штанах, он заерзал на скамейке. «Не вовремя, у меня сейчас важное дело», – подумал он, стараясь перенаправить мысли в другую сторону.

Подозвав к себе Мика, он поправил ему крепление на его собачей коляске, Мик был его главным другом, не считая Денни, конечно. Пес-инвалид, потерявший задние лапы и перемещающийся теперь при помощи маленькой двухколесной тачки вместо задних ампутированных лап. Посмотрев на хозяина, пес, явно довольный прогулкой, ткнулся ему в руку черным влажным носом.

«Вот такие мы с тобой искалеченные формы жизни», – говорил раньше Марк, глядя на своего единственного друга, а Мик податливо поскуливал, будто понимал, видимо по интонации, значение слов. Но теперь, когда Марк стал настоящим мужчиной, он уже не думал так, с уверенностью Бога глядя в будущее, он верил, что теперь он сможет позаботиться о Мике и себе.

Встав, он пристегнул собаку к поводку и пошел к своей «ниве».

Его новая женщина должна была вот-вот появиться, открыв заднюю дверь машины, он стал ждать.

Светловолосая красавица выпорхнула из дверей подъезда, явно спеша, и даже не услышала, как ее окликнули, пока случайно не повернула голову и не увидела, как маленький человек ростом с хоббита машет ей рукой.

– Что нужно этому карлику? – подумала Катя, подойдя ближе.

– Извините ради бога, – начал маленький человек. У меня задняя дверь сломана, и я не могу поставить туда Мика.

– Кого? – с непониманием глядя на него, спросила Катя, но тут увидела пса на этих жутких колесах вместо задних лап и от неожиданности даже сделала шаг назад.

– А что это с ним?

– Пес попал в ДТП! – неумело пошутил Марк, рядом с такой роскошной красавицей, он вдруг снова стал чувствовать себя неуверенно. «Что за глупость я сказал?» – подумал он.

– Вы не поможете?!

– Да, конечно, – не очень понимая, что нужно сделать, быстро ответила Катя. А я вас знаю. Вы чинили нам кран на этой неделе. В ванной и на кухне, – вспомнила Катя и даже немного улыбнулась. Вы ведь Марк?

– Поддержите, пожалуйста, дверь, а то она все время падает, – попытался улыбнуться в ответ маленький человек, но улыбка получилась у него сухая и натянутая, как у безумца.

– Да, я Марк. Краны, надеюсь, до сих пор работают, – нашелся наконец он после неловкой паузы. И, наклонившись, поднял пса вместе с коляской и осторожно поставил внутрь машины, незаметно вытащив из нагрудного кармана куртки салфетку.

Катя, видя, с какой любовью этот человек заботится о бедном животном, даже устыдилась своих недавних мыслей о нем.

– Он не кусается? – спросила она.

– Нет, что вы? Мик добрый.

И дождавшись, когда девушка наклонится, чтобы погладить собаку, Марк, приснув на салфетку хлороформ, зажал ей рот. Так и не поняв, что случилась, девушка обмякла и повалилась на него. Быстро закинув ее в машину, Марк огляделся по сторонам. Дети играют на площадке, бабушки возле подъезда обсуждают кого-то, никто ничего не видел. Повернувшись к машине, Марк быстрым движением воткнул ей в рот кляп, а руки и ноги сковал наручниками, после чего, снова оглядевшись, закрыл заднюю дверь «нивы».

Теперь его ждут сладостные пять дней ожидания, девушка должна ослабнуть, в противном случае мне с ней не справиться с моим-то ростом, да и руки. Марк посмотрел на свои маленькие, как у ребенка, ладони. Нет, пусть ослабнет, а потом она станет моей женщиной. Включив любвеобильную попсу на радио, он скоро тронулся с места.

«Как же это здорово – любить», – подумал он, вслушиваясь в слова песни.

Боль, Страх и Старые Кости

Есть счастье еще и когда в пути

Ты сможешь в беду, как зимою в реку,

На выручку кинуться к человеку,

Подставить плечо ему и спасти.

Эдуард Асадов

...Полный междугородный автобус направлялся на курорт Минеральные Воды в Ставропольский край. Она сидела рядом с родителями, ощущая себя самым счастливым человеком на свете. «Здорово, что меня отпустили на работе, – думала она, вспоминая про очередность отпусков и что Леонид Аркадьевич все же подписал заявление на отпуск. За окном стремительно менялся пейзаж, зима, сугробы, грязные дороги оставались позади, уступая место солнцу, ласкающему ее лицо, теплу и лету. И теперь все, все будет хорошо! По-другому просто не может быть», – думала она, излучая детский восторг и счастье от этой поездки и грядущего отдыха.

Она посмотрела на отца, на его выбритую, шершавую мужскую щеку, надежное плечо на которое можно прилечь, забыв обо всем, отец что-то рассказывал смешное, а в ее глазах горел бенгальский огонь праздника, восторга, ликования, она смотрела на отца, на маму и смеялась вместе с ними. Внезапно они въехали в темный подземный туннель, появился ветер мерзкий, грязный, такой бывает перед сильной грозой или бурей, поднимая дорожную пыль, острую, как крошка битого стекла, царапая лица и не давая дышать. Вдруг ветер стих, послышался шум, выстрелы, приказы людей в масках. А она вдруг превратилась из взрослой в маленькую

девочку восьми лет, вцепившуюся в руку отца, она смотрела на него растерянно, глядя, как растекаются пятна крови, стремясь соединиться друг с другом.

– Его больше нет, папа умер, – шепчет ей мать, прижимая к себе и стараясь заслонить ее маленькое тело от всех ужасов, закрывая ей уши своими теплыми заботливыми руками.

Обняв мать, она плачет от бессилия, что она опять такая маленькая, что папы больше нет и она ничем не может помочь. Шум и крики людей усиливаются, и их разлучают, разрывают настолько резко, что она не успевает ничего понять. Давка, люди бегут, затаптывая друг друга, ее мать тянется к ней, снова оборачивается, снова тянется, что-то кричит сквозь кошмар и ужас происходящего и безудержно тянет ей свою ладонь, словно нить, ведущую ее обратно к дому, быту, семье. Но дотянуться нельзя, давка, люди сминают их, не давая возможности сомкнуть руки и воссоединиться.

Темно, автобус, вдруг ставший бесконечным вагоном, продолжает ехать по туннелю. Толпа людей уносит мать все дальше к светящемуся белым светом выходу из туннеля и автобуса, словно они едины, снова слышатся выстрелы, моргают лампы желтые и грязные они не дают достаточного света, на них нельзя опереться, и она теряет мать, только на мгновение, но уже не находит ее и мать затаптывают, с широко раскрытыми от ужаса глазами она тянет сквозь тела и ноги людей ей руку и хватает ее. Она снова взрослая, снова сильная она защитит, но по телу матери тоже расплываются пятна крови.

– Но тебя же задавили, – недоуменно говорит она, будто упрекая мать в неискренности. – В тебя не стреляли!

Но мать уже мертва, а ее рука, еще не давно тянущаяся к ней, теперь холодная и вялая.

– Вот ты и осталась одна! – говорит ей бабушка, стоя перед ней и телом матери.

– Да, – соглашается она и плачет, вспоминая о том, что бабушку она тоже похоронила. И тут фигура деда начинает трескаться и разлагаться у нее на глазах, тлеет одежда, лопаются кожа, открываются мясо и кости. – Бабушки теперь тоже нет, – говорит она сама себе, утопая в сумбурности, путаности мыслей, словно в болоте, в которое превратилось ее сознание.

И только голос: – Вот ты и осталась одна! – звучит в ее голове...

Проснувшись, она начинает плакать от повторного осознания потери и от той боли, которая последовала, когда из ее жизни вырезали этот кусок души, связанный с ними. Содрогаюсь всем телом, она ревет и кричит, пока приступ удушья, тошноты и боли в сердце не сковал ее, сгибая тело в кольцо. И вот она пытается вздохнуть, первый раз, второй, третий, получилось – она дышит.

Вытягивая руку, она упирается ею в пол, сползая с кровати, и тихонько на четвереньках добирается до ванной. Холодная вода от развинченного вентиля вырывается из крана на ее голову и красное от слез лицо. Нестерпимо болит сердце. Пройдя на кухню, она достала купленный зачем-то на днях корвалол, щедро плеснув его себе, не отмеряя никакие капли, долила воды и залпом выпила, даже не поморщившись от мерзости вкуса. Затем достала из шкафа свечу, зажгла ее перед фотографией, где они все вместе, возле своей кровати. Пламя свечи горячее и живое, словно ожившая память из другой жизни, бросало тени на фотографию, где все еще были живы, она не плакала, глядя на нее, слишком устала, устала плакать, ей казалось, что она выплакала все слезы на годы вперед. Сухие глаза, наполненные болью, смотрели на свечу, пока вторично пришедший сон не закрыл их.

...Ей снился ослепительно-белый свет, пронизывающий все.

– Неужели это пламя свечи? – подумала она. Или мои так меня оберегают? – последняя мысль принесла ей радость и уверенность в этом сне, как спасительном чертоге, покоя и забвения. Сделав несколько шагов, она заметила, как спадает яркость света, обволакивающая ее, открывая очертания дороги, она пошла по ней легкой поступью, появившееся очертания лебедя, медленно летящего рядом с ней, внушало ей спокойствие и умиротворение.

– Неужели все плохое позади? – не верилось ей.

Дорога стала темнеть, на ней стали проступать пятна чернильных клякс, из которых витиеватыми рывками появлялись деревья, кусты, затем превращающиеся в очертания стен, потолка, инвалидной коляски. Так это больница? – с ужасом подумала она, оборачиваясь к белоснежным облакам, оставшимся позади, и покинувшей ее умиротворенности.

– Я больна! – пришло к ней осознание ее ситуации. Больна одиночеством! Она посмотрела на свои руки, которыми она черпала небесное молоко облачного покоя, они оказались покрыты белыми пятнами. – Это что, грибок? – испугалась она, расчесывая пятна света, которые плавали по ее рукам, став частью ее плоти. Подняв ночную рубашку, она увидела, как те же пятна плавают на ее животе, пропадая в одном месте и всплывая в другом. Поняв, что заразна, она не испугалась, белый свет закопошился на ней роем блеклых насекомых, но совершенно не пугал. Она потрогала лицо и тут же отдернула руку от неожиданности. – Я страшная и уродливая! – закричал голос внутри нее. Она снова потрогала лицо, наросты, шишки грубой каменной кожи, словно маска на Хэллоуин, покрывали его. Ощупав себя, она окончательно поняла, что на нее никто никогда не взглянет, ни один мужчина. Похолодало. Белый свет сомкнулся вокруг нее. Вдруг она оказалась в каком-то замшелом подвале, куда сквозь потемневшие окна, расположенные над самым тротуаром, кусками врывается свет шедшей там на улице счастливой жизни, радостного солнечного дня.

Из дальнего угла слышались шорох и щелканье, как от работы старой швейной машинки. Воспоминания из прежних снов о неведомом и незримом зле парализовали ее. С трудом сделав два маленьких шага назад, она услышала нарастающий шум цоканья и щелканья, подняв голову, она увидела, как большое черное существо, напоминающее паука, но с телом и головой Леонида Аркадьевича, приближается к ней, крадась по потолку.

Остолбнев от ужаса, не в силах кричать, она даже не успела понять, что происходит, как паук тут же оказался возле нее.

– Идем ко мне! – прошипел паук с телом Леонида Аркадьевича.

С отвращением глядя на стекающие с лапок паука грязь и жир, как от съеденного беляша, она попятилась, паук не растерялся и, подняв свои многочисленные лапки, стал трогать ее, мять грудь, засовывать свои грязные щупальца-лапки в ее нижнее белье, везде оставляя полоски грязи и жира, как будто паутину, он жаждал покрыть ее всю этим благостным раствором собственных выделений, как коконом.

– Хе-хе, – довольно смеялось лицо Леонида Аркадьевича, и, невзирая на выражение ужаса в глазах своей жертвы, он лез и лез в самые интимные уголки ее тела...

Вспомнив, что больна, она снова посмотрела на свои руки, и белый свет, тут же вспыхнув, появился на ней. Паук, продолжавший все это время трогать ее, визгливо запищал, сбивая пятна белого света со своих лапок, словно огонь. Но свет действовал по-другому, он стирал незримым ластиком тело паука, словно того не существовало, оставляя вместо его плоти белую пустоту. Закончив с пауком, он стал смывать окружающее ее пространство подвала, слизывая весь этот незатейливый интерьер, он в конечном итоге оставил только себя. Радость от осознания своего одиночества взбудоражила ее сомнительной иллюзией свободы и крыльев за спиной. Свет померк, и она, будто выйдя из собственного тела, увидела себя со стороны. Старуха с обвисшей кожей, грудью, пожевывающая свой рот, смотрела на нее белыми пустыми глазами.

– Удивительно! – прошептала она, ведь, глядя на свои морщинистые руки, она испытывала облегчение...

Услышав сквозь занавесь сна звонок телефона, она на ощупь протянула руку.

– Привет, подруга!

– Привет, Ириш! – узнала она голос своей подруги.

– Спишь?

- Пыталась.
- Прости, что разбудила, – деликатно извинилась Ирина, чей даже нерабочий день начался с шести утра. Ты сегодня занята?
- Не особо, – ответила Юля, с сонной ломотой в теле приподнявшись на кровати. А что?
- Сходишь со мной к одному рунологу?
- Кому?
- Рунологу, человеку, который изучает руны.
- Конечно, – согласилась Юля, уже понимая предмет интереса своей подруги.
- Тогда часа в три я к тебе заеду.
- Окей.

Ирина, одна из немногочисленных подруг Юли, всегда отличалась ответственностью, чуткостью к бедам окружающих и жаждой справедливости, собственно, поэтому она и стала юристом. Но не это делало ее особенной и, возможно, даже странной; от того, что Ирина с детства страдала от кошмаров, в которых она видела, как пытаются и убивают людей, не в силах справиться с ними, она росла очень впечатлительной девочкой, всегда заступаясь за слабых, отчего ее нередко записывали в число неудачниц, последнее, впрочем, ее мало заботило. Она словно инстинктивно чувствовала дорогу, по которой ей нужно идти. Пытаясь разгадать тайны своих снов, она стала интересоваться мистикой, магией и прочими явлениями и событиями мира непознанного. Пройдя небольшой тернистый путь познания азов, Ирина, как и многие другие шедшие тем же путем, начала пытаться улучшить свою жизнь посредством открывшихся ей знаний. И прежде всего, как это бывает у женщин, она решила начать с личной жизни.

Ирина, высокая, стройная брюнетка с умными зелеными глазами и выражением легкой искренней грусти на лице, была совершенна лишена лукавства и хитрости, чаще проявляя скорее прямоту и правдивость. Скорее всего по этой причине и была обделена мужским вниманием, именно мужским, так как мужичков низменного разлива, чьи интересы лежат в плоскости облитых пивом трусов, к первой категории отнести можно лишь условно.

К Ирине липли все никчемные особи мужского пола. Стоило появиться Ирине, как тут же появлялись и они, тьюфяки с пивными животами и топорным юмором ближайшей подворотни, и хотя они находили в лице Ирины понимание их нелегкой судьбы, подставить свое крепкое мужское плечо они не были способны по определению.

Все закончилось тем, что Ирина просто ушла в себя и стала искать выход из такой жизни у различных колдунов и ведьм. Но и у тех ровным счетом ничего не получилось, что, впрочем, не мешало им с большим аппетитом брать с нее деньги за свои услуги.

Усугублялась ситуация еще и тем, что Ирина не могла иметь детей, это известие едва не убило ее, погрузив в глубочайшую депрессию, факт же существования других болезней, таких как астма и больные почки, с таким контекстом, как бесплодие, можно было по умолчанию опустить. С трудом пережив это тяжелое время, отбросив мысли о суициде, что преследовали ее, Ирина взялась сама творить свою судьбу. Обложившись литературой, она вскоре стала подтягиваться и через «не могу» выкарабкиваться из той кромешной мглы отчаяния и боли, в которой жила, улучшая день ото дня свое финансовое состояние.

Будучи дипломированным юристом, она посвятила себя работе и обрела наконец уверенность в себе и крепкую материальную почву под ногами. Остальные сферы, увы, Ирину не радовали, все ее надежды на здоровье и женское счастье, пусть даже без детей, летели прахом. Она вычитала о необходимости очиститься⁸, но, видимо, не возымев в этом успеха, решила

⁸ Чистками в магии называется снятие негативных программ с поля человека. Негативные программы можно разделить на два вида: легкие (бытовой социальный негатив) и тяжелые (проклятия, в том числе родовые, порчи, привороты, отвороты и т.д.). Люди с течением жизни в социуме, общаясь с другими людьми, цепляют на себя всяческие негативные эмоции и послылы: какие-то бытовые проблемы, зависть, неприязнь и т.д. (легкий негатив). Магически направленная конкретная программа (тяжелый негатив) – это ритуальный и энергетический послыл с тем, чтобы у человека действительно все разладилось, негативно

обратиться к профессионалам, собственно, поэтому ее желание пойти к рунологу подпитывала лишь вера в его способности после всех шарлатанов, пользующихся слабостью людей.

Нельзя сказать, что в жизни Юлии все было хорошо, но Ирина всегда вызывала у нее желание помочь ей, несмотря ни на что, позабыть обо всех своих проблемах и помочь, не от жалости, а от веры в человеческий альтруизм, в то, что просто нужно помочь. Когда видишь, как человек бьется и сражается на пути к своей мечте, то появляется чувство восхищения, хочется просто подставить плечо, пусть в таком маленьком пустяке, как поход к рунологу. А шарлатан он или нет, это не столь важно, главное, поддержать веру в лучшее и благополучный исход.

Вот и сейчас, забыв о кошмарной ночи и своем одиночестве, Юля быстренько прибралась и проветрила жилище; когда послышался звонок в дверь, она уже была при параде и с улыбкой на лице.

– Привет, подруга, – улыбнулась Ирина, протягивая ей коробочку с пирожными, Ирина давно перестала волноваться о своей фигуре, с ее-то данными, да и Юля тоже, потому они, две любительницы сладкого, прошли на кухню.

– Извини, что к тебе так наскоком, – виновато сказала она.

– Ничего страшного, я же понимаю, что у тебя много работы. Бутерброды будешь? – спросила Юля, заваривая свой фирменный чай.

– Как твои успехи?

– Нормально. Выиграла дело в суде, как раз вчера.

– И это ты называешь нормальным?! Отлично, – похвалила ее Юля. Ты молодец!

– Спасибо! Но дело было не особо сложное. Честно.

– Ну, тебе виднее. Мне кажется, ты вообще не проиграла ни одного дела.

Ирина театрально закатила глаза.

– Ты меня перехваливаешь?! Я иногда все же проигрываю, – улыбнулась она.

Разлив чай, аромат которого тут же наполнил кухню травянистым запахом лета, и выложив пирожные в красивые десертные тарелки, она протянула одну из них Ирине.

– Я, конечно, ничего не понимаю в подобном, но почему вдруг руны, ты же никогда не интересовалась ими?

– Ну, Юля, я интересовалась всем. Потому что незнание законов не освобождает от ответственности. И прежде, чем озвучивать свои хотелки, проводить ритуалы и махать волшебной палочкой, нужно твердо знать, что тебе за это будет и с какими силами ты работаешь.

– Так серьезно!

– Да, Юль, по-другому в нашем мире нельзя!

– А руны – это белая или черная магия?

Ирина, прожевав кусочек пирожного и облизнув ложку, посмотрела на нее как на дуру.

– Ни белой, ни черной магии не существует, это выдумки христианства, это они придумали такие названия, как черная магия, чтобы сжигать неугодных людей, тем более по умолчанию для тех времен вся магия была черной. Если бы ты сказала: «Я занимаюсь белой магией, не сжигайте меня, пожалуйста!», тебя бы все равно сожгли. Никто не занимается магией, а ты занимаешься, значит, ты не в стаде, и главный пастырь стада тебя того. На костер! Ни у одного эзотерического учения нет такого деления, как черная и белая магия.

– Ясно, – сконфуженно пискнула Юля. Ладно хоть ты меня просвещаешь.

направленные воздействия на человека, на его тонкие структуры (мысли, эмоции, желания и т.д.). Серьезная направленная магическая программа – порчи, различные проклятия, зомбирование, манипулирование, оморочки, привороты и т.д. Когда это висит на ауре в виде присосок и находится как бы сверху тонких полей – в этом случае поражение идет на эмоциональном уровне, появляются депрессии, агрессивное поведение, перепады настроения, утомляемость, упадок сил, работоспособности, появляются негативные мысли. Когда негатив прорастает глубже, захватывая все большие участки поля – к вышеописанному присоединяются симптомы потери энергии, болезни с проявлением на физическом уровне – различные заболевания и нарушения физического тела. И чем глубже пророс негатив в поле человека, тем сильнее проявления на физическом плане.

– Ничего, у тебя правильные вопросы, – подбадривающе заверила ее Ирина. Скоро сама заинтересуешься.

– С чего ты решила? – уставилась на нее Юля, чуть не поперхнувшись чаем. Меня подобные вещи никогда не интересовали, ты еще скажи, что я начну смотреть футбол и болеть за нашу сборную.

Но Ирина, не заметив ее сарказма, продолжила:

– Мы идем к Олафу Бергесену – это выдающийся рунолог, большое чудо, что я вообще смогу к нему попасть. Он принимает и помогает только своим, узкому кругу лиц, которым не чужда скандинавская мифология и религия. А так как человек он не бедный, то на поток и счетчик никого не ставит. Принимает только своих, ну, или по договоренности через своих, – хитро скосив глаза в сторону, закончила Ирина.

– Ии? – не поняла Юля.

– Его интерес и фанатизм, любовь к своему делу заразительны. Он как бы концентрирует в себе свет Северной традиции и проецирует его.

– С трудом верится, конечно, что я заинтересуюсь подобными вещами. Ты же знаешь, я агностик⁹ без привязки к конкретному богу.

– Знаю. Но все меняется. Хочешь, расскажу секрет?

– Давай.

– Перед всеми слушаниями в суде я обращаюсь к Тору за помощью – это бог справедливости. Видишь амулет?

И Ирина показала ей маленький металлический кулон в форме молота. Это молот Тора, он разбивает все преграды.

– Здорово. И как помогает? Глупый вопрос, извини.

– Твой скептицизм понятен, – спокойно ответила Ирина. Да, помогает, благодаря ему я помогаю людям, и клиенты идут порядочные, честные, которым действительно нужна помощь. Справедливость. Понимаешь? А мне, мне Тор помогает жить, верить в лучшее и стремиться к этому лучшему, несмотря ни на что.

И Юля лишь в очередной раз удивилась своей подруге и тому, с какой теплотой и душевностью она работает с каждым из своих клиентов, имея в своем тылу сплошную боль, ведь у нее ничего нет, только работа, а дома потухший очаг. Разве можно ею не восхищаться.

Ирина, увидев в ее глазах поддержку, улыбнулась.

– Так зачем мы идем к этому рунологу? За чем-то конкретным? Руны как, болезни лечат? Ну, ты меня понимаешь?

–

Олафу Бергесену, – с грустью поправила меня Ирина, очевидно, вспомнив о своем бесплодии. Он не просто рунолог, он выдающийся рунолог.

– Ты знаешь историю моей семьи? – неожиданно спросила она.

Юля не сразу поняла и уловила нотки печали, сожаления в ее голосе при словах «моей семье», наверное, подсознательно думая о своем, о своей семье и той безвозвратно потерянной душевной близости с ними: с мамой, папой, дедом, потому говорила скупо и в общем.

– Твой отец был следователем прокуратуры, мать бухгалтером, хотя потом она уже не работала, сидела дома, помню, что ты много болела, по полгода не появлялась в школе. Потом поезд в результате аварии сошел с рельсов¹⁰, было много погибших, в том числе и твои роди-

⁹ Агностик – это человек, который не отрицает существование богов, но и не принимает сторону какой-либо религии или веры. Также агностик – это человек, который не отрицает существование богов, но и не утверждает его, поскольку убежден в том, что первичное начало вещей неизвестно, так как не может быть познано – либо на данный момент развития, либо вообще.

¹⁰ 3 марта 1992 года – столкновение пассажирского поезда «Юрмала» (Москва – Рига) с грузовым на разъезде Подсосенка

тели. А потом убили моих в этом дурацком автобусе¹¹, – поперхнувшись возникшим в горле комом, выдавила из себя Юля, буквально ощущая тяжесть воспоминаний и ужаса последних снов. Как это все грустно, что мы потеряли их, наших близких, осиротели тогда так рано. А потом умер мой дедушка, который воспитывал меня, и это, это... Мне так их не хватает, – прошептала она, чувствуя текущие по щекам горячие слезы.

– Ох, Юль! Прости меня, пожалуйста, я не подумала. Прости, – кинулась ее успокаивать Ирина.

Прижавшись к ней, как когда-то к деду в тот день, когда она узнала, что в результате теракта ни папы, ни мамы больше нет, ей так захотелось рассказать подруге все о своей жизни, о своих снах, этих диких снах, от которых по утрам хочется выть, но сдержалась, ни к чему выплескивать на нее все это, у нее своего достаточно. Ирина гладила ее по голове, что-то говорила, но Юля не видела ничего из того, о чем она ей шептала, только чернота и одиночество, тиканье часов, отломившийся в углу кафель, обшарпанный пол.

«Вот она – моя жизнь, моя реальность», – подумала Юля. И, отпрянув от уже мокрого пиджака подруги, открыв вентиль холодной воды, стала умываться.

– Ты меня извини, пиджак тебе намочила, расплакалась тут, – шмыгая носом, сказала она, обернувшись к подруге.

Ирина, внимательно посмотрев на нее, спросила:

– У тебя все в порядке?

– Конечно, – через силу улыбнулась Юля, чувствуя, как сильно натянулась ее маска терпения к повседневности жизни, словно сверху на кожу нанесли полиэтиленовый мешок.

– Почему-то мне кажется, что ты врешь, – деловито, холодно, словно видя ее насквозь, сказала Ирина.

– Да ну брось, не выдумывай. Мы к твоему рунологу успеваем? – спросила Юля, глядя на часы.

Ирина, оголив запястье, посмотрела на свои позолоченные, с белым циферблатом часы.

– Да, время еще есть. Мы так редко видимся, вот я и решила прийти к тебе немного пораньше.

– Ну и правильно, – улыбнулась Юля. Чай еще будешь?

– И ты еще спрашиваешь?! Как ты его готовишь? – спросила она, вдыхая аромат горячего пара, поднимающегося из чашки.

– Секрет. Ты лучше говори, что ты хотела мне рассказать о своей семье.

Ирина, чуть пригубив горячий чай, стала помешивать его ложкой, словно собираясь с мыслями.

– Это одна из причин, по которой я стала адвокатом, – почему-то тихо сказала она.

– Видишь ли, мой дед был палачом, ну это я его так называю. При Сталине никто особо не разбирался, виноват человек или нет. Так вот, в ноябре тысяча девятьсот тридцать четвертого года был создан специальный отдел, который получил название «Особое совещание». Этот отдел получал широкие полномочия по борьбе с врагами народа. Фактически этот отдел мог без присутствия обвиняемого, прокурора и адвоката отправлять людей в ссылку или в ГУЛАГ сроком до пяти лет. Разумеется, это относилось только к врагам народа, но проблема в том, что никто достоверно не знал, как этого врага определить. Именно поэтому «Особое совещание» имело уникальные функции, поскольку врагом народа можно было объявить фактиче-

близ города Нелидово. В результате происшествия погибли 43 человека, 108 ранены.

¹¹ 28 июля 1994 года – террористический акт в Минеральных Водах. Четверо террористов объявили заложниками 41 пассажира рейсового автобуса, следовавшего по маршруту Пятигорск – Ставрополь – Красногвардейское. Террористы требовали 15 млн долларов. Двое заложников были убиты, еще трое ранены и скончались в больнице. Во время операции по освобождению заложников один из террористов был убит, трое ранено. Также получили ранения пятеро бойцов спецназа.

ские любого человека. Любого человека можно было по одному простому подозрению отправить в ссылку на пять лет.

Так вот, мой дед был одним из членов этого отдела, – тяжело, с трудом прошептала Ирина это свое признание, тяготившее ее.

– Но еще до этого он принимал участие во многом, когда он был молодым, в тысяча девятьсот двадцать седьмом году¹² он расстреливал людей, связанных с империалистическим прошлым. Это были представители дворянских семей, которых обвиняли в государственной измене, пособничестве империализму и прочих вещах, которые грозно звучат, но очень тяжело доказываются. Потом были Шахтинское дело¹³, Пулковское дело¹⁴, и это еще громкие дела. А сколько было разовых расстрелов и казней, не говоря уже про итоговые цифры¹⁵?

Бабушка, жена деда, во всем его поддерживала и была идейной комсомолкой и членом партии. Отец пошел по его стопам, он тоже работал в «органах». Наступила «оттепель», людей просто сажали и ссылали в лагерь, на каторгу, высылали из страны, навсегда разлучая с близкими. Я поздний ребенок, мой старший брат умер маленьким, попал под трамвай. Потом у родителей долго не было детей, мать лечилась, часто ездила на минеральные воды, в санатории, и уже значительно позже, когда они свыклись с мыслью, что у них не будет детей, моя мама забеременела и родила меня. Она была замечательным, добрым, светлым человеком – это все что я о ней помню. Она умерла, когда я еще училась в школе, и меня частично воспитывала моя бабушка, мать моей матери. А в той аварии разбилась не моя мама, а новая жена отца, хоть и не официальная, которая, к слову, не очень меня любила, рассчитывая родить отцу нового наследника или наследницу. Так я и росла, у бабушки, что меня, наверное, и спасло в какой-то степени от влияния моего отца и его родителей, они умерли незадолго до той аварии. Сначала дед, потом бабушка, если честно, то своего отца я не очень любила, было в нем что-то холодное, может, он и был рад, когда я родилась, но я этого никогда не чувствовала, как будто я его и не его, приемная. Понимаешь? Да, он всегда был на работе, дома почти не появлялся, его интересовало только, ела ли я и легла ли спать вовремя. И все, больше никакой заботы, разговоров, как общаются отцы с дочерьми, ничего такого. Кстати, во время учебы на адвоката я изучала некоторые его дела. Ты себе не представляешь, Юлька, какие там пласты боли, есть геологические пласты, залежи, а это, это залежи высохших и закорстевевших слез и боли, вот что я там увидела, читая эти архивы. Теперь ты понимаешь, откуда у меня эти кошмарные сны и почему я стала адвокатом, я хочу помогать людям, спасать их, постараться хоть как-то исправить то, что натворили мои предки.

–

Да, мне становится понятно многое, о чем ты мне не договаривала, о чем думала, когда молчала, как жила эти годы, мы же с тобой редко виделись. Но ты же понимаешь, что твой отец состоял на службе, выполнял свой долг, иначе не мог, ему приходилось нелегко, это и

¹² На одном из партийных заседаний Сталин заявил о том, что стране «нужно уничтожить все остатки империализма и всех сторонников белогвардейского движения». Отличный повод для этого у Сталина появился 7 июня 1927 года. В этот день в Польше был убит политический представитель СССР – Войков. В результате начался террор. И уже ночью на 10 июня было расстреляно 20 человек, которые связывались с империей. Всего же в июне 1927 года было арестовано более 9 тысяч человек.

¹³ В 1928 году репрессии в СССР коснулись горняков из Донбасса. Из этого дела устроили показательный процесс. Все руководство Донбасса, а также 53 инженера были обвинены в шпионской деятельности с попыткой вредительства новому государству. В результате разбирательства 3 человека были расстреляны, 4 оправданы, остальные получили тюремный срок от 1 до 10 лет. В 2000 году прокуратура России реабилитировала всех участников Шахтинского дела ввиду отсутствия состава преступления.

¹⁴ В июне 1936 года на территории СССР должно было быть видно крупное солнечное затмение. Пулковская обсерватория обратилась к мировой общественности, чтобы привлечь кадры для изучения этого явления, а также получить необходимое заграничное оборудование. В результате организация была обвинена в шпионских связях. Число жертв неизвестно.

¹⁵ Всего с 1930 по 1953 года по обвинениям в контрреволюции было репрессировано 3 млн 800 тыс. человек. Из них 749 421 человек были расстреляны. И это только по официальной информации.

наложило отпечаток на его характер, отсюда и замкнутость. А ты не думаешь, что ты выдаешь желаемое за действительное, вдруг проблема не в этом и этот рунолог не сможет тебе помочь?

– Ты хочешь сказать, что, возможно, у меня просто патройфобия¹⁶ в какой-то новой ее вариации?

– Ириш, только не обижайся, я же агностик, я не верю во все эти порчи и проклятия, поэтому, естественно, рассматриваю другие варианты, – как можно мягче, чтобы не обидеть лучшую подругу, предположила Юля.

– Современная наука может объяснить далеко не все! – продолжила Ирина, явно взволнованная, что в глазах Юлии она видится как сумасшедшая. Такая мысль на мгновение мелькнула у Юльки в голове, но она отогнала ее прочь: если Ире станет легче от визита к этому человеку, пусть будет так. И она примирительно ловко подсунула ей в рот второе пирожное.

– Если ты считаешь, что поездка к этому Олафу Бергесену тебе хоть немного поможет, мы едем.

Ирина, немного помолчав, вдруг посмотрела на нее с таким участием и благодарностью, что Юля устыдилась своих хоть и мимолетных мыслей о помутившемся рассудке своей подруги.

– Понимаешь, сколько посеяно зла руками моих предков? Ты только представь, какие проклятия, разрушенные судьбы – жен, мужей, отцов, матерей, детей, которые никогда, ты понимаешь, никогда не увидели своих близких, это просто ад! А судьбы детей с клеймом «сын или дочь врага народа»? Как они жили и к чему пришли в этой жизни, вряд ли они были счастливы, ведь внутри каждого из них глубоко сидит эта боль, эта пропасть поломанного детства, ведь они лишились самого дорогого – семьи, родителей. – Весь этот негатив на моем роду, а я последняя в роду Синицких, и я не могу иметь детей, я даже, даже... – тут она покраснела, но не заплакала, сдержав эмоции в себе, а лишь открыла окно, впустив морозный воздух. – Не могу встретить своего мужчину, – закончила она. – Ты же понимаешь? – И она с тоской посмотрела на меня.

«Да, я понимаю, – подумала Юля, кивнув ей в ответ. – И ты даже представить не можешь, насколько я тебя понимаю». Раньше она тоже хотела и добрых глаз, и ласковых рук, утопать в объятиях, растворяться в них и только кончиками пальцев прикасаться к его вискам, губам, любить всем телом, кожей, душой, восхвалять то чувство, когда тебе дорог другой человек. Потом было много раз больно. Очень. И она потеряла то ощущение наивной простоты, с которым жила, потеряла так, как дурочка – девочка становится женщиной в руках жадных и грязных. Она отдавала себя, верила лживым устами тех мужчин, которых считала своими и которых хотелось любить, дарила себя тем, кто этого не ценил. Затем пришло другое время, время рыдать навзрыд, выплакивая боль, что сидит внутри, отхаркивать проглоченную обиду. Она повзрослела и научилась плакать так, чтобы утром снова улыбаться. Конечно, были мысли искать его, в толпе, по следу, пусть даже по запаху, и дрожать при этом на ветру от озноба. Но теперь, теперь она не подпустит к себе чужих, будет осматриваться, тщательно и досконально. Мало ли что? И ждать зимы – зимой одетая, навьюченная теплой одеждой, шарфом, шапкой, можно скрывать свое тело от их глаз, скрывать свою душу.

– Да, Юль, я уверена, что он мне поможет, я же сама тоже пыталась и делала много чего, хоть ты в это и не веришь, но я затерла себя до дыр разнообразными чистками, даже допустила иной подход к видению ситуации и ходила на тренинги НЛП¹⁷. И не понимала. Почему? Ты даже не представляешь, в каком отчаянии и вечном одиночестве я живу. Кручусь как белка в колесе, вот только пейзаж не меняется, независимо от того, как быстро крутится колесо. А

¹⁶ Патройфобия – боязнь наследственности, наследственных заболеваний.

¹⁷ Нейролингвистическое программирование – направление в психотерапии и практической психологии, не признаваемое академическим сообществом, основанное на технике моделирования (копирования) вербального и невербального поведения людей, добившихся успеха в какой-либо области, и наборе связей между формами речи, движением глаз, тела и памятью.

он, он выдающийся специалист по рунам и скандинавскому язычеству, сейчас таких людей вообще мало. Кто еще, если не он?!

– Во сколько у тебя назначена встреча? – серьезно спросила Юля.

Ирина, посмотрев на часы, встала:

– Нам пора, – коротко ответила она.

Через пятнадцать минут серебристое «вольво» направлялось в сторону Старого Арбата.

Новые краски

Четыре разных времени в году.

Четыре их и у тебя, душа.

Весной мы пьем беспечно, на ходу

Прекрасное из полного ковша.

Смакуя летом этот вешний мед,

Душа летает, крылья распустив.

А осенью от бурь и непогод

Она в укромный прячется залив.

Теперь она довольствуется тем,

Что сквозь туман глядит на ход вещей.

Пусть жизнь идет неслышная совсем,

Как у порога льющемся ручей.

Потом – зима. Безлика и мертва.

Что делать! Жизнь людская такова.

Джон Китс

Он давно уже жил один, потеряв жену, а затем и младшего брата с его семьей погибших от рук фашиствующих отморозков, размножившихся благодаря попустительству в образовании и воспитании детей в Европе, называемому «ювенальным правом»¹⁸.

Терять близких, наверное, определенный бич всех людей, кто так или иначе серьезно занимается магией, помогая другим. Эти люди, раздаривая энергию своего рода, хоть и очищают его, но в то же время делают уязвимыми другие его ветви. Узнав о том, что у него есть сестра от первого брака отца, он поспешил приехать в Россию, чтобы воссоединиться с ней.

Сын преподавал и жил в Англии, нечасто видясь с отцом, и у него, силою Северных Богов все было хорошо, своя налаженная и выстроенная жизнь, в которую он легко отпустил его, отчетливо осознавая эту границу, когда дети должны уходить от родителей. Его сердце согревала мысль, что он сумел взрастить в сыне самостоятельную и цельную личность, хотя им обоим порой приходилось непросто без материнской и женской заботы. Основы хорошего воспитания закладываются с детства, и в данном случае все было подчинено установленному порядку и дисциплине, что явилось основой, плацдармом на котором происходило взросление и становление натуры его сына.

Сестра старая, больная женщина тепло встретила его, познакомив с ранее неизвестной ему семьей, втайне надеясь, что он сможет позаботиться о них, когда ее не станет. Он понял это смысл, хотя и не говорил по-русски, новая семья с двумя племянниками и племянницей, у которых уже были свои дети, встретили его с радушием и гостеприимством русской души. И, чтобы видеться с ними чаще, он купил еще в годы перестройки, когда цены на недвижимость в Москве приемлемо варьировали, квартиру на Старом Арбате.

Арбат – старейшая улица Москвы, и является таким же символом российской столицы, как Кремль, Красная площадь или Собор Василия Блаженного. Название улицы происходит

¹⁸ Центральным элементом системы ювенальной юстиции является ювенальный суд, в пределах своей компетенции рассматривающий уголовные, гражданские и административные дела, по которым одной из сторон является несовершеннолетний. К основным задачам ювенальных судов относятся защита детей и их реабилитация.

от арабского слова «арбад» («рабад»), которое переводится как «пригород, предместье». При царе Алексее Михайловиче в семнадцатом веке эту улицу пытались переименовать в Смоленскую, но название так и не прижилось.

С первых лет основания этой улицы на ней селились в основном ремесленники и купцы, но к концу восемнадцатого века они были вытеснены дворянами. Постепенно росла и престижность этой улицы. Представители московской интеллигенции приобретали здесь квартиры, устраивали небольшие особняки. Многие известные фамилии, такие как Пушкин, Рахманинов, Толстой, Чехов, Блок, в свое время жили именно здесь. Позднее на Арбате начали строить многоэтажные дома, открывались лавки и магазины. Арбат стал преобразоваться, взрослеть, приобретая то лицо, которое знакомо нам сегодня.

Ему нравилось здесь гулять, а устав от прогулки, устраиваться на какой-нибудь скамейке и с печальной улыбкой наблюдателя, прошедшего по вехам истории, с двусмысленной иронией на лице наблюдать, как меняется мир вокруг. В том, чтобы видеть историю, ощущать ее, прикасаясь к ней, словно к сухой и обшарпанной каменной стене, можно находить в этом свое очарование и мудрость. Интерес к рунам в этой северной стране, перенесшей за последний век множество потрясений, сосредоточил вокруг него узкий круг лиц почитателей и последователей, уважающих его труд и деятельность не меньше, чем их западные коллеги. И он стал помогать людям еще и здесь в России. Сегодня он ждал девушку, на чьи плечи свалился груз целого рода. Руны неспешно рассказывали ему о ее сложной судьбе, о том пути, который ей пришлось пройти, чтобы понять происхождение многих препятствий в своей жизни. Поднявшись из-за стола, он бережно убрал рунный набор¹⁹ из горного хрусталя обратно в мешочек и стал готовиться к приходу госты, которая должна была прийти не одна. Для таких целей у него было заготовлено множество конвертов с универсальными рунными ставами²⁰ его авторства, однако требовалось немало времени, чтобы найти те, которые лучше всего подойдут его клиенту. Впрочем, это не отменяло надобность в проведении диагностики ситуации и ставов по принципу «подойдет – не подойдет».

К моменту, когда послышалась соловьиная трель входной двери, он уже основательно подготовился и пошел встречать гостей. На пороге стояли две девушки. Одна высокая, уверенная в себе, с цепким взглядом зеленых глаз и маской холода, за которой веет печалью и одиночеством. На ней была черная облегающая куртка, поверх которой водопадом ниспадали темные волосы, на шее, подыгрывая цвету, глаз выглядывал зеленый шарфик. Вторая девушка была среднего роста, в сером пальто, темные волосы скромно собраны под серую, под цвет пальто шапку, а отстраненный взгляд ее карих печальных глаз выдавал смирение и безысходность, свойственные самоубийцам. Несмотря на кукольную красоту, от нее веяло страданием и тоской. Он не дал бы ей больше полугода жизни, подсознательно она уже все для себя решила, просто не осознавая этого. И если первая была сильной натурой и явно имела защитников, оберегавших ее и, очевидно, способных ускорить те процессы, ради которых эта девушка и пришла, то вторая была лишена защиты, а ее энергетическое поле напоминало продуваемую всеми возможными сквозняками вентиляционную трубу, куда летела вся грязь из окружающего мира.

- Здравствуйте! Я Олаф Бергесен, – поприветствовал гостей он.
- Ирина, – поздоровалась первая девушка, чуть улыбнувшись уголками губ.
- Юля, – представилась вторая.

¹⁹ Рунный набор – это набор рун для гадания, существуют как готовые варианты, так и рекомендации по изготовлению. Идеально, если рунный набор выполнен, вырезан, отлит собственными руками.

²⁰ Рунический став – это определенная комбинация нескольких рун, имеющая направленное действие. Задача става – помочь исполнителю ритуала в достижении конкретного его намерения. ... рунический став – это определенное расположение рун.

«Неужели этот говорящий с таким смешным акцентом старичок с красным лицом и мясистым красным, как у Деда Мороза, носом и есть выдающийся рунолог, скорее он похож на любителя бани и пива или грузчика с рынка стройматериалов», – подумала Юля, изучая хозяйина квартиры.

–

Проходите, почувствуйте себя как дома, – смешно, с заметным акцентом проговорил старичок традиционное русское приветствие и сделал пригласительный жест.

Квартира, в которую они приехали в гости к почтенному рунологу, мало чем отличалась от квартир других людей, хотя и было понятно, что хозяин этих стен яркий, интересный и увлекающийся человек. Здесь не было черепов, горящих свечей, коптящих потолок, дыма ароматических палочек, от которых слезятся глаза, никаких атрибутов магии, ставящих своей целью убедить всякого вошедшего в несокрушимости магической, божественной силы хозяина этой обители. Квартира не давила, она располагала, умиротворяла, давая вошедшему гостю перевести дух и забыть, хотя бы на время, об испытаниях жизненных перипетий. Лишь досочки с вырезанными на них причудливыми символами висели на стенах, стояли на шкафах, и в шкафах опираясь на небольшие ровные строки книг, готовых завладеть читателем, погрузив его в мир магии и волшебных существ Северной традиции. Одна из картин, висевших на стене, привлекла внимание, завораживая гостей яркостью красок и глубиной мистического смысла: на ней были изображены события Младшей и Старшей Эдды²¹, словно художник боялся упустить или обидеть как автора, так и главных героев этих строк, она, тем не менее, не казалась вычурной, скорее гармоничной, найдя в себе место для каждого. Юля не очень разбиралась в живописи, но то, что картина написана кистью серьезного и талантливого художника было очевидно, были видны мазки кисти, наслоения красок, а боги и герои, изображенные на ней, были настолько живыми, что будоражили душу вызывая двойственные чувства сопереживания и восхищения.

Ирина начала свой рассказ, а глаза старика со всей внимательностью ловили малейшую мимику и волнение его собеседницы, словно он собирался броситься в нее, как в море, и там, в пучине ее страданий и горестей, осознав все муки Хельхейма²², что она испытала, воздать ей, наконец, миром и покоем, которых она достойна.

Юля, посмотрев на подругу, улыбнулась, ей было так хорошо, что плохие мысли остались где-то там. Видя его одухотворенное светом лицо и внимательный добрый взгляд, она невольно вспомнила бабушку, и впервые без боли и без осознания одиночества своей осиротевшей души она думала о нем и улыбалась. Сквозь большое витражное окно проникало солнце, теплое и живое, оно заставляло задуматься о счастье, смехе, море и пляже с мелким песком, где можно играть в догонялки и веселиться со своими близкими. И все это на фоне скандинавского аскетизма в интерьере квартиры, среди вещей простых, угловатых купленных в «Икее».

«Счастье в простоте», – эта гениальная, лишенная тумана и хитросплетенной паутины выводов и обоснований мысль возникла в голове Юлии и, родившись, подобно утреннему рассветному солнцу, засияла новыми красками жизни, как солнечный свет, прошедший сквозь грубую, но чистую материю горного кварца, озарила, что, чтобы получить радугу и счастье, нужны только камень и солнце.

²¹ «Младшая Эдда», «Сноррора Эдда», «Эдда в прозе», или просто «Эдда» – произведение средневекового исландского писателя Снорри Стурлусона, написанное в 1222—1225 годах и задуманное как учебник скальдической поэзии. Состоит из четырех частей, содержащих большое количество цитат из древних поэм, основанных на сюжетах из германо-скандинавской мифологии.

²² Хельхейм – в германо-скандинавской мифологии один из девяти миров, мир мертвых, в Хельхейм бог Один низверг великаншу Хель, поэтому она там властвует. Холодное, темное и туманное место, куда попадают все умершие, кроме героев. Он окружен непроходимой рекой Гьелль. Ни одно существо, даже боги, не может вернуться из Хельхейма. Вход в Хельхейм охраняется Гармом, чудовищной собакой, и великаншей Модгуд.

Вернувшись из мира откровений, Юля вдруг обрела слух, с удивлением только сейчас заметив, что последние минуты она вообще ничего не слышала.

– В жизни каждого человека есть сложные времена, времена лишений, бед, времена, когда льются реки слез, у каждого они свои, то же касается и благ, какими бы они ни были, для кого-то блага – это полный дом детского смеха, для других – полный дом золота. Но все они едины и представляют собой ту дорогу, по которой шагает человек, день ото дня творя свою судьбу, он как бы мостит дорогу, которой еще нет, создает ее каждым своим шагом, но бывает такое, что у той дороги возникают перекрестки, где можно изменить свою жизнь. И мне так думается, что ты стоишь как раз на своем перекрестке. Надеюсь, ты не назовешь все, что я сказал, философией и иллюзией?

Ирина улыбнулась, но улыбка получилась какая-то измученная, старик, заметив это, откинулся в кресле, чуть отстранился, давая ей возможность подумать и высказаться.

– Вы можете выполнить гальдор²³? – серьезно спросила она.

Олаф Бергесен с неодобрением посмотрел на нее.

–

Думаю, ты торопишься, да, я могу сделать то, о чем ты просишь, настоящий гальдор. Но я должен тебе сказать, что ты должна попробовать изменить свой мир сама. Гальдор в моем исполнении – слишком серьезная, как это слово на русском, вещь, очень серьезная вещь, я редко, очень редко пользуюсь им. В тебе есть сила, ты валькирия, и амулет валькирии подошел бы тебе не меньше, чем молота Тора, и ты в состоянии справиться сама. И почему именно гальдор, разве ты развиваешься этим путем?

– Я хочу видеть результат, – быстро ответила Ирина, ее большие зеленые глаза под челкой темных волос делали ее похожей на пантеру, готовую ринуться в бой. Я устала, герр²⁴ Бергесен, очень устала. Сама я развиваюсь по пути Трот²⁵, по крайней мере я надеюсь, что, то, как я развиваюсь, или правильно сказать, пытаюсь развиваться, можно отнести именно к этому пути. Сейт²⁶ мне кажется слишком ненадежным и легким. Если бить, то наверняка!

– Не буду спорить, – вздохнув, ответил Олаф Бергесен, сделав сдерживающий жест рукой. Каждый путь Великой Северной традиции имеет свои стороны. Но то, что ты развиваешься, это хорошо. Путь Трота подходит нашему времени, времени демократии и либеральных ценностей.

– Но прежде чем мы продолжим наше общение, мы спросим руны, что они скажут.

И, повернувшись, он достал белый мешочек, потряс его, сказав какие-то слова, видимо на норвежском, и протянул его Ирине.

– Возьми по очереди три руны!

²³ Гальдор – это магическая техника (один из трех путей развития в Северной традиции), посредством которой маг изменяет внутренний или внешний мир по собственной воле. Бог Один – великий мастер магии этого рода, и для проведения такой работы необходимы мудрость и вдохновение.

²⁴ Герр – уважительная форма обращения. – *Прим. автора.*

²⁵ Трот – свободная форма религии, очень подходящая для нашего времени (также один из трех путей развития в Северной традиции). Здесь не существует священных текстов, догм, а следовательно, не существует и «ересей». Эта религия коренится в самой плоти и крови верующих. Каждый человек, каждая семья, каждый клан и каждое племя исповедует свою, неповторимую форму трота. Эта религия означает изучать культуру, историю и мифологию своих предков и применять эти знания в форме ритуальных жертвоприношений, проводимых в особые, имеющие символическое значение дни годового цикла.

²⁶ Сейт – это третье главное ответвление Северного Пути. Сейт с самого начала не имел ничего общего с рунами в узком смысле этого слова. И хотя в этой практике применяются различные знаки и символы в сочетании с другими техниками, они обычно не являются так называемыми лингвистическими знаками. Они, скорее, «говорят» непосредственно с Бессознательным – при минимальном контроле со стороны сознания, как и гальдор, является магической техникой изменения мира (внешнего или внутреннего) согласно воле мага. Этому виду магии и силам, заставляющим ее работать, покровительствует богиня Фрейя.

Закрыв глаза, она опустила руку в мешок и стала доставать руны одну за другой, слыша лишь стук хрустальных пластин. Положив последнюю на стол, она открыла глаза. Перед ней лежали руны Хагалаз²⁷, Отал²⁸ и перевернутая Беркана²⁹. Хагалаз в первой позиции означает, что обстоятельства сильнее и будут провоцировать на проявление чувств и эмоций, которые практически невозможно контролировать, впрочем, как и ход событий тоже. Хагал – знак весьма серьезных перемен, притянутых в жизнь хаосом и напряжением в мыслях и в душе. В сочетании с негативно расположенными рунами предвещает разрушительные события. Отал – во второй позиции – авторитет, мудрость предков, успех, но в сочетании со светлыми рунами, в окружении же темных рун может трактоваться негативно. Перевернутая Беркана – в третьей позиции – является знаком провала, неудачи. В лучшем случае обозначает долгое блуждание, затянувшийся и трудный путь к цели.

Олаф Бергесен нахмурился.

– Шлейфт³⁰, – сказал он и вкратце объяснил открывшуюся ему картину. Ирина, разволновавшись потянулась за сумочкой, в которой лежал ингалятор, спасавший ее от приступов астмы. Старик убрал руны обратно в мешок. Юля, внимательно следившая за разговором, была заморожена ритуалом и испугана за свою подругу одновременно, и могла поклясться, что видела, как руны светились, когда Ирина доставала их из мешка. Протянув руку, старик взял несколько конвертов и положил их перед Ириной, затем снова произвел некоторые манипуляции с мешком.

– Сейчас руны выберут тебе подходящий набор ставов, который я уже приготовил для тебя, там же рекомендации, а ты поможешь им. Протяни руку и бери так же по три руны, но прежде сконцентрируйся на первом конверте. Первая руна ответит на вопрос: «Подходит ли тебе этот конверт?» Вторая руна ответит на вопрос: «Каковы возможные изменения от применения этого конверта?» Третья руна ответит на вопрос: «Каков итог от применения этого набора ставов?» Думай только об этих вопросах! Хорошо?

Ирина, кивнув, снова закрыла глаза и повторила ритуал. Теперь Юля была уверена, что руны действительно светятся, хрустальные пластины были окружены ореолом мистического света магии. Выпавшими рунами были: первая Иса³¹, вторая Райдо³² и третья Ингуз³³. Что означало, во-первых, конверт не подходит, во-вторых, найти иной путь решения проблемы, и третье, не паниковать. Старик также вкратце объяснил значения и этой тройки выпавших рун, затем ритуал был повторен еще четыре раза, пока все пять конвертов не были диагностированы. Помимо ранее уже выпадавших рун, выпадали и Турисаз³⁴, и Лагуз³⁵, и Феху³⁶, и уже известная Иса, замораживающая всякое движение, и другие руны. В конце Олаф убрал со стола не подошедшие Ирине конверты, оставив только два из пяти.

– Выбери, – сказал он. – Но помни, ты сейчас на распутье, перекрестке. Конверт, который ты выберешь, повлияет на твой путь, и изменить его потом будет сложно.

²⁷ Хагалаз – руна разрушений, задержки. Гибель, полное разрывание; неконтролируемые внешние силы; изменения; жизненные неприятности; непредвиденные события, мешающие осуществлению задуманного.

²⁸ Отал – руна символизирует род, семью, родину, дом, имущество и традиции.

²⁹ Беркана – женская руна, символизирует женское начало. Успех, плодородие; семья, дети, хорошее здоровье, свадьба, рождение ребенка.

³⁰ Schlecht – плохо (на немецком).

³¹ Иса – руна холода, смерти, остановки движения, стагнации.

³² Райдо – руна движения и развития, в самом широком смысле этого слова.

³³ Ингуз – руна движения и полноценного развития, символизирует приход удачливого периода.

³⁴ Турисаз – мощная руна, критической ситуации, требующая полной отдачи.

³⁵ Лагуз – руна предчувствий и фантазий, символизирует море, воду и необходимость прислушиваться к своей интуиции.

³⁶ Феху – руна богатства и приобретений, также руна огня.

Ирина, которая сначала было быстро потянула руку, отдернула ее. Вспоминая трактовку по оставшимся конвертам, она закрыла глаза и погрузилась в себя, в омут терзавших ее переживаний и проблем, стараясь найти из него тропинку, единственно верную, к одному из конвертов. Но, видимо, так и не найдя в себе ответа, спросила:

– А можно взять еще по одной дополнительной руны на каждый конверт?

Старик кивнул, протягивая мешочек. Ирина уже привычно опустила руку в мешок, вытащив сначала одну хрустальную пластину, которую она положила слева, затем вторую, которую она положила справа, после чего открыла глаза.

На конверте, что слева, лежала Беркана, а на том, что справа, Дагаз³⁷.

– Я выбираю первую дорогу, – сказала она, положив руку на левый конверт, и чуть не заплакала, услышав, как где-то вдалеке в ее пусть пока неясном и туманном будущем заплакал ребенок, появившийся на свет из чрева матери. И тут же после этой мимолетной слабости в ее взгляде появилась сила, убежденность и понимание своего дальнейшего пути в жизни, и уже затеплилась радость и надежда, вера в приход лучших времен и исполнение заветных желаний. Старый рунолог улыбнулся возникшей в этой девушке перемене. Убрав лишний конверт, открыл тот, который выбрала Ирина, он начал объяснять, что ей предстояло делать и когда, особенно это касалось обращений к богам: Одину – верховному богу скандинавского пантеона и Тору – богу грома и бурь, защищающему людей. Юля слушала, по-детски приоткрыв рот, она тоже была убеждена, что теперь все в жизни ее подруги наладится, и эта искренняя непринужденная радость за нее искрилась в ее глазах фейерверком праздничных огней.

Ирина внимательно слушала, успевая задавать свои вопросы по каждому ставу, ритуалу и их работе.

– Спасибо вам, – с восхищением и уважением в глазах прошептала Ирина, поднимаясь из-за стола. Да сохранят вас Северные Боги!

Юля тоже поднялась вслед за подругой. Но тут старик, глянув на нее, остановил, взяв за руку.

– Присядь, – сказал он. У тебя же тоже есть проблема?

– У меня? – удивилась Юля, предпочитавшая держать свои проблемы при себе. Какая?

– Ты одинока и незащищена, – спокойно, с какой-то интонацией обыденности и естественности ответил ей старик.

Юлю прошиб озноб, и она испуганно посмотрела на него, ее не испугали его слова, она признала в них правду, скорее интонация вместе с акцентом прозвучали так, будто речь шла не о ее одиночестве и боли, а о том, предпочитает ли она пить чай с лимоном или молоком и сколько сахара ей положить. Тон старика передал ей право выбора и сделал ее сопричастной к своей судьбе. Мысль о том, что она сама выбрала свою боль и дорогу, по которой идти, была ужасающей, кошмарной, от этой мысли хотелось прямо здесь на месте забиться под плинтус и погрузиться в забвение или спасительный сон.

– Не надо ничего говорить, – добавил старик, все это время внимательно следивший за ее реакцией. И, выдвинув ящик из шкафа, достал другой конверт, более тонкий и синего цвета, и протянул его Юле.

– Тут все просто, – кивнул он. Если что, твоя подруга тебе подскажет.

Юля не помнила, ни как сказала «спасибо», ни как на негнущихся ногах вышла из дома рунолога, машинально прижимая к себе конверт из ярко-голубой бумаги, по дороге домой она впитывала каждое слово из рекомендаций Ирины, которая ни слова не сказала о самой себе, будто уже существуя в другой реальности.

«Видимо, она уже прошла свой перекресток», – рассеяно, как в тумане, подумала Юля, глядя, с какой уверенностью теперь держится ее подруга. Приняв душ и поужинав пригото-

³⁷ Дагаз – руна прорыва трансформации, начала дня и восхода солнца.

ленной на скорую руку запеканкой и бутербродами с сыром, она устроилась возле новогодней елки, которую не спешила разбирать. Включив гирлянды и яркую красную звезду на вершине зеленой красавицы, она вспомнила про конверт. Теперь, спустя время, она могла трезво оценить свои последние мысли и чувства.

– Беззащитна и одинока, – сказала она вслух, вспомнив слова старика, и с грустью посмотрела на мигающую огнями елку, которую она наряжала одна, в утешение себе в преддверии Нового года, который она встретит одна, и просто в эту праздничную ночь ляжет спать.

Всегда скептически относившись к любой вере и религии, она вдруг поймала себя на мысли, что хочет поверить в этот путь Северных Богов и их традицию.

Современные религии никогда не вызывали у нее ни трепета, ни понимания. Мусульманство, регулярно убивающее невинных людей своими терактами, как когда-то ее маму и папу. Буддизм с их непонятными ценностями, вечным смирением к проживанию бесконечной череды реинкарнаций Сансары³⁸. Христианство с их верой в сотворение мира за семь дней, опуская существование динозавров, и притянутое за уши чудо непорочного зачатия, с регулярной потребностью потреблять кровь и плоть своего бога. Последнее вообще казалось какой-то вампирской, каннибальной фантазмагорией. «Как можно пить и есть своего Бога? И при этом еще улыбаться? Это же твой Бог?»

Она снова бросила взгляд на конверт и на этот раз взяла его в руки.

– Трот – свободная форма религии, это мне подходит. Да, это мне подходит. А что касается веры в богов грома, солнца, то это не бредовее веры в сотворение мира за семь дней или непорочного зачатия, а еще есть научный подход с верой в то, что все люди произошли от обезьян, хотя за последние тысячи лет ни одна обезьяна еще человеком не стала, но ведь многие верят в это, написаны тысячи книг, проводятся конференции, собрания, читаются лекции. Из всего этого можно сделать вывод. Каждый верит в то, во что хочет верить. Условие, наверное, должно быть, только одно – вера должна давать надежду и смысл, помогать обрести счастье, украшать жизнь, каждодневный быт и существование человека от колыбели до могилы и, возможно, даже чуточку дальше. Открыв конверт, она вытащила став призыва духа-защитника, восхитившись причудливому кружеву вязей: сколько гармонии и красоты было в нем, в каждой его точке и символе; зная от своей подруги, что здесь не только скандинавские руны, но и исландские, она прочла о том, что ей необходимо сделать. «Завтра же воскресенье? Что там Ирина говорила, про воскресенье?»

Воскресенье. В европейских странах это первый день недели. Как и в дохристианской Руси, кстати. И перевести его можно как «день Солнца», первый день недели, первый день жизни, рассвет – солнце, все логично, быстро прикинула в голове Юля, согласившись с правильностью этой древней мудрости.

Наступила полночь, новогодняя ель продолжала играть своими жизнерадостными огнями, а Юля, выполнив все инструкции, уже заканчивала свой первый ритуал в Северной традиции. Ей было так одиноко, тоскливо все это последнее время, что она вложила в этот призыв духа-защитника всю свою боль и печаль. Обливаясь слезами, она звала на помощь так, как никогда еще не звала, ведь раньше она не верила, что ей помогут, что ее услышат, но теперь, когда затеплилась надежда, она верила, что ее не оставят в беде. Она боялась своих кошмаров, лучше вообще не спать, чем трястись от страха. Она не знала, сколько времени просидела с этой мольбой на устах, но вдруг атмосфера в комнате изменилась, свеча погасла так стремительно, что она даже вскрикнула от неожиданности, но испугаться не успела, свеча

³⁸ Сансара или самсара – круговорот рождения и смерти в мирах, ограниченных кармой, одно из основных понятий в индийской философии: душа, тонущая в «океане сансары», стремится к освобождению (мокше) и избавлению от результатов своих прошлых действий (кармы), которые являются частью «сети сансары».

вновь зажглась более мощным и сильным пламенем и горела так стройно и ровно, словно верная собака, готовая по команде ринуться на обидчика ее хозяина.

В комнате стало теплее и спокойнее, Юля, рассмеявшись, даже заплакала от радости. И, прошептав «спасибо», погрузилась в спокойный, умиротворяющий сон.

Фламандец

*Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям.
Был правдою, мой зодчий вдохновен:
Я высшей силой, полнотой всезнанья
И первую любовью сотворен.
Древней меня, лишь вечные создания
И с вечностью пребуду наравне.
Входящие, оставьте упованья.
Данте Алигьери «Божественная комедия»*

Его жесткие соломенные волосы развевались на морозном ветру. Мутные воды Москвы-реки, приковавшие внимание его холодных небесно-голубых глаз, покачивали серые от грязи льдины. Так паршиво ему не было уже давно, он бы, наверное, утопился в этих мрачных и грязных водах, если бы уже не был мертв. Он жил и умер еще в том веке, когда армия Наполеона отправилась на завоевания, жил и трудился на благо Франции Пьер Эмиль Левассер – экономист и историк, а также Альфонс-Луи Констан, больше известный под псевдонимом Элифас Леви, – французский оккультист и таролог, и член тайных обществ того времени, а где-то в стенах Парижской академии работал Андре-Мари Ампер, оставивший глубокий след на станицах истории и науки, причем последняя отвела ему достойное место. Жить в эпоху столь великих людей, исторических переломных моментов может быть как невероятной удачей, так и проклятьем, он же всегда относился к этому с гордостью сопричастности. Родившись во Французской Фландрии, также известной как Южная Фландрия, находящейся на северо-востоке Франции, он, разумеется, был фламандцем³⁹ по праву рождения. Среднего роста, широкоплечий, с мощными и сильными руками и ногами, он напоминал медведя, особенно своей косолапой походкой. Но эта неуклюжесть была обманчива, оказавшись в опасности, он действовал стремительно и жестко, его клинок был быстр, а револьверы в его руках били без промаха. И что немаловажно, он любил свою родину, любил Францию, потому без труда попал из французской армии во Второе бюро.

После поражения Франции во франко-прусской войне, с тысяча восемьсот семидесятого года по тысяча восемьсот семьдесят первый, во многом из-за слабого разведывательного обеспечения деятельности французских войск, структура генерального штаба Вооруженных сил Франции подверглась коренной перестройке, и прежде всего разведывательного управления, которое называлось Вторым бюро. А сам штаб французской армии теперь делился на: Первое – кадровое, Второе – разведка, Третье – оперативное и Четвертое – тыл бюро. Второе бюро после реорганизации скорее напоминало ребенка, делающего первые шаги в мокрых подштанниках, чем базу, готовящую шпионскую сеть, потому остро нуждалось в хороших кадрах. Так,

³⁹ Фламандцы – народ германской языковой группы, коренное население Бельгии, наряду с романоязычными валлонами. Населяют северную часть Бельгии – Фландрию, южную часть Нидерландов и северо-восточную часть Франции (Французская Фландрия; 250 тыс. чел.). Язык – нидерландский. Этнически фламандцы – в основном потомки германских племен франков, батавов, саксов и фризов. В состав фламандского этноса влились также кельтские племена белгов, жившие на этой территории до франкского нашествия и ассимилированные франками. Как этнос сформировались в XVII–XIX веках. В Средние века территория современной Бельгии была поделена на разрозненные княжества: Фландрия, Эно (Генеган), Брабант, Намюр, Лимбург, Люксембург, Камбре, Турне, епископство Льеж. Частично они подчинялись Франции, частично Германии.

после короткого курса обучения в разведывательной школе фламандец Адриан Янсен попал во Второе разведывательное бюро французской армии.

Бросаясь в каждое дело с полной самоотдачей, он, как верный, опытный вояка, берег покой своей страны и ее граждан, снискав себе славу надежного и преданного слуги республики. И вскоре его отправили в самостоятельное плавание, Жак Дюбуа был его единственным компаньоном в грядущем деле. Узкоплечий, с маленькими бегающими хитрыми глазками и тонкими кистями рук, он являл полную противоположность фламандцу. Адриан даже удивился, впервые увидев своего коллегу: «Как он прошел отбор во французскую армию?» Их миссия была уже не в Пруссии, старом и понятном враге Франции, а в Германской империи, образованной восемнадцатого января тысяча восемьсот семьдесят первого года. Еще до окончания войны министр – президент Пруссии Бисмарк и прусский король Вильгельм I объявили о создании Германской империи, именно с этой даты начинается история Пруссии в составе единого Германского государства. В задачу Адриана и Жака входило перехватить письма, в которых упоминались молодые аристократы Франции, не имеющие должного патриотического образования, но владеющие значимой родословной, что были вхожи во многие знатные дома и могли при определенных обстоятельствах не только получить важную информацию, но и склонить отдельных деятелей парламента Франции к нужным решениям. Знание имен этих высокородных господ позволило бы французской разведке чувствовать себя значительно уверенней.

Однако все с самого начала пошло не по плану, вертлявый и скользкий Дюбуа постоянно норовил ставить палки в колеса, очевидно, считая миссию веселой игрой, в которую играют дети, расставляя солдатиков на импровизированном поле для сражений, или же тайно скрывал свою. Не в силах добиться от Дюбуа четкого ответа относительно двусмысленности его действий и не имея возможности доверять ему, Адриан начал действовать самостоятельно и сообщить в бюро о действиях своего напарника без угрозы рассекретить себя он не мог. Каким-то чудом ему удалось заполучить злосчастные письма и даже шифр для их прочтения, но триумф оказался недолгим. Дюбуа знал, что тягаться с таким цербером, как Адриан, на шпагах или пистолетах почти самоубийство, вдобавок фламандец обладал поразительным звериным чутьем на неприятности и засады, и просто обходил их стороной, оставляя своих преследователей и недругов с носом. И тогда у Дюбуа возник план усыпить бдительность своего напарника, признав свою несостоятельность, как солдата французской армии. Он убедил напарника, что по возвращении он покинет их отважные ряды, применив всю свою изворотливость и артистизм, ему это удалось, и, подсыпав яд, он сумел завладеть письмами, выгодно шантажируя ими по возвращении во Францию высокородных господ фактом их разоблачения перед общественностью и французской разведкой.

Адриан умирал, белая пена кипела на губах, лицо налилось кровью, глаза тарасились вокруг, с удивлением и неосознанностью умирающего человека, сверкая красными прожилками на фоне белых белков. С непониманием глядя на кружку совершенно нормального по вкусу пива, он умирал, но последние мысли вопреки логике умирающего солдата были не о службе и о невыполненном долге, а о матери, которая обещала познакомить его с милой Жюстин и приготовить после его возвращения особый ужин. Адриан умирал в агонии и одиночестве солдата, оказавшегося на чужбине в окружении чужих и подчас вероломных людей, готовых выкинуть его тело в ближайшую канаву. Он не выполнил долг перед страной, матерью, не увидел женщину, что так приглянулась его матери, не стал отцом, мужем, семьянином и, видимо, хорошим сыном, так как оставил свою уже немолодую мать доживать век одну.

Многие люди справедливо полагают, что после смерти, они сразу окажутся на небесах, но это не так, любой умерший прежде всего оказывается в лабиринте прожитой им жизни, и только затем идет постепенное осознание неестественности окружающего мира. Разумеется, думающий и духовно развитый человек пройдет через лабиринт быстро, но увы, таких людей

немного, таким же был и Адриан: будучи простым человеком, не задумывающимся о тайнах бытия, он, оказавшись в лабиринте, стал жить в нем, ловить и убивать врагов Франции, получать ордена и награды, выпивать за благо республики вместе с друзьями в кабаках и барах, есть необычайно вкусную стряпню своей матери, и лишь спустя время устойчивое чувство «дежавю» стало расти в нем, пока он не начал замечать огрехи в окружающей действительности, не соответствующие вещам свойства и не свойственные друзьям поступки.

Это больше походило на сон, ведь только во сне можно видеть лестницу, широкую парадную лестницу, ведущую на крышу, где находится вход в здание, и считать это нормальным. В очередной раз оказавшись в месте, где он уже был, в событии в котором он уже участвовал, он понял, что это все нереально. И тут он вспомнил все, обстановка стала меняться, окрашиваться во мрачные цвета непреодолимой злобы, ненависти и отчаяния. Небо перестало существовать, солнце кончилось, дома стали рассыпаться на ветру, улетая ветхой пылью куда-то в сторону, земля стала сырой и холодной, какой и должна быть кладбищенская почва, наступило безмолвие, сравнимое с заколоченным в крышку гроба последним гвоздем.

– Будь ты проклят Дюбуа! Будь ты проклят! – кричал Адриан, не слыша своего голоса, словно крышкой гроба для него стало само небо.

Затем Адриан начал существовать совсем в другом лабиринте, лабиринте боли, ярости, и бессилия от неисполненного предназначения, через которые он не мог переступить. Он сотню раз убивал Дюбуа самыми немыслимыми способами, и наслаждался этим, принимая каждое убийство за правду, тут же забывая о нем, он убивал других, попадавших ему под руку то ли призраков, то ли фантомов людей, которых знал и не знал, твердо веря, что они желают ему зла. Он ходил по кругу, в черном густом тумане негативной эссенции, концентрате, чьи всполохи и мгла заменили ему родные стены. Спасение пришло неожиданно, вдруг где-то во мгле возникло свечение. Зло мыча и готовясь отразить очередную угрозу, Адриан пошел туда, крепко сжимая свои белые омертвевшие кулаки холодной плоти, в воздухе посреди мглы и тумана висела свеча, от которой шел неразборчивый шепот и жар. Он подошел ближе и, яростно замычав, взмахнул рукой, желая сбить свечу, но рука прошла сквозь нее, не причинив вреда, после нескольких попыток он вдруг понял, что ему нравится это тепло, подняв руки, приблизил их к пламени, и улыбнулся. Эта новая мимика лица испугала его, повергнув в такое смятение, что он отошел от свечи, потрогал лицо, посмотрел на свои руки, холодные и неживые, снова посмотрел на свечу и, сделав вокруг нее круг, поднял руки к пламени, позволив огню погреть себя.

Вскоре он привык к огню, открыв для себя новое чувство привязанности, и когда в первый раз свеча, догорев, погасла, побежал искать ее, принюхиваясь к запаху, оставшемуся после нее, он увидел, женщину, которую знал когда-то, но не мог вспомнить имени. Затем свеча возникла вновь, уже в другом месте, это повторялось много раз, вызвав у него привычку ждать этой свечи, сидя во мраке колышущегося тумана, в забвении снов, которые видят мертвые. Прислушиваясь к шепоту, исходящему из свечи, он стал узнавать голос, каждый раз, поднимаясь на новую ступень лестницы, что существовала внутри пламени этой свечи, живым плетением солнечных лучей. Поднявшись достаточно высоко, он наконец узнал голос, голос матери, которая молилась за него, до сих пор веря, что ее сын обязательно вернется, что он где-то там, выполняет важное задание своей страны, именно это она говорила всем, а окружающие кивали головами, оставаясь каждый при своем мнении. Осознав, как существовал последнее время, и повторно вспомнив все, он обогатился внутренне, увидев, как изменилось очертание его тела, вокруг которого возникла белая дымка света, да и окружающий мир стремительно менял внешность с непроглядного мрака на сумеречное одеяние вечного серо – белого неба.

Не вера направляла его, а овладевшее им желание увидеться с матерью, о которой теперь он думал неустанно, ведь она была, пожалуй, самой главной ценительницей его жизни. В его сознании далекими пушистыми облаками плыли воспоминания о матери и детстве. Когда-то

маленьким он заблудился в лесу, и, устроившись под замшелым деревом, долго плакал, пока не услышал голос матери, которая звала его, он побежал на ее голос с криком: «Мама!» Вспомнил ее улыбку и грустные глаза, которые смотрели на него, и видели в нем отца, не вернувшегося с войны. Прикоснуться бы к серебряной пряди ее волос, вдохнув аромат сиреневой воды, что она так любила, ощутить неистребимую надежность жизни, чувствуя под ногами родную землю, на которой он вырос, его Францию. Он желал снова постучать в дверь и сказать: «Я вернулся, мама!» И хотя он знал, что она его не услышит и не увидит, пусть так, но она обязательно почувствует, что он рядом и сидит за столом, как прежде, наблюдая, как она печет свои пироги. Он знал и то, что она все эти годы плохо спала, тревожась о нем и существовала в вечности этих беспокойных мыслей. Внезапно он остановился, став болью, чистой болью, его душа трепетала и вибрировала, огненный всплеск разрушенной солнечной лестницы, на которой он видел мать, пронесся сквозь него и от его неистового крика зашелестела, скорбя вместе с ним серо – белая масса призрачного сумрака, в котором живут все мертвые. Душа болела и ныла, распадаясь на части от отчаяния жить с мысленным зовом матери в душе, желая добежать до нее и поклонить колени, а не добежав, осознать, что тебя больше никто не зовет, и что нет больше этих колен, в которые ты раньше ребенком тыкался носом, протягивая руки. Он понял, что стоит на кладбище, возле ее могилы, с простеньким серым надгробием, настолько серым и скромным, что оно вряд ли понравилось бы ей, да и ему, будь он жив. Он сел рядом и заплакал, как иногда плачут призраки, души не способные найти покой.

«Какое простое и родное слово – „мама“», – думал он, чувствуя холод могильного камня. Возвращаться уже некуда, там в его доме живут уже другие люди, и ему там нет места. Пройдут века, но материнское окно маленького деревянного домика будет с ним всегда. Просидев так, тихо, отстранено уставившись в мутный вечно серый горизонт неба, несколько недель, возможно, и месяцев, он не заметил, как в один из таких промозглых дней к нему подошел старик и сел рядом.

– Давно сидишь? – то ли спросил, то ли подтвердил очевидное он. Адриан молча кивнул, не глядя на старика, однако спустя минуту все же повернул голову, он слишком давно не слышал человеческой речи. Внешность старика поразила Адриана, он как будто сошел с игральных карт начала девятнадцатого века⁴⁰. Красный жилет с меховой окантовкой из кроличьего меха, снизу виднелась белая рубашка с высоким воротником, на которой были изображены карты разного достоинства, рубашка была заправлена в белые штаны на шести медных пуговицах, а штаны, в свою очередь, заправлены в черные ботфорты. Лицо старика было неестественным плоским, как изображение на картах, только глаза ярко-зеленные, как два фонаря посреди предрассветного тумана, говорили о кишашей внутри него жизни.

– Кто ты? – спросил Адриан, с интересом изучая причудливую одежду старика.

– Я Миро. А ты? – спросил старик, чей хитрый и ироничный взгляд блуждал по Адриану, его явно забавляло возникшее знакомство.

– Я Адриан! Так кто ты? Ты же не человек?

– Можно подумать, ты человек, – так же с иронией ответил ему старик, нисколько не обидевшись. Я дух, в том смысле, в котором нас воспринимают люди.

– И чем ты промышляешь? В смысле, что делаешь, как... – Адриан запнулся, слово «живешь» для него утратило свое значение.

⁴⁰ Изначально фигурки на картах изображались в полный рост, и только после 1830 года для удобства игры изображения стали симметричными. Одна из гипотез происхождения французской версии карт, в том виде, очень близком к современному, гласит, что придумал ее некто Жакмен Грингоннер – шут французского короля Карла VI Безумного. Король страдал душевным расстройством, а потому пребывал в печали и унынии. Чтобы как-то развлечь своего господина, шут занимал его разными карточными играми, которые тоже придумывал сам. Именно благодаря ему современная колода из 54 карт называется французской.

– Говорю, что было, что будет, что происходит сейчас, – улыбнулся старик. Служу своей хозяйке, она хорошая, понимает нас, духов. Я оттуда, – добавил он, указав на холмистую часть леса, справа от кладбища. Там сейчас стоит наш цыганский табор!

Адриан, все еще ничего не понимая, на всякий случай кивнул головой.

– Кого ты имеешь в виду, говоря о вас?

– Глянь, видишь, Мириам гуляет с Антоном? – Адриан посмотрел в ту сторону, где еще минуту назад был просто туман, теперь зеленел луг, по которому шла высокая, статная женщина в длинном белом платье и в черном жакете, темные волосы были убраны «узлом Аполлона⁴¹», что лишь подчеркивало статность и женственность женщины, рядом бежал и кувыркался парень лет тринадцати, в простой крестьянской рубаше и штанах, не особо заботясь о своем внешнем виде и том впечатлении, которое он может оказать на окружающих.

– Может, пойдешь с нами? – спросил старик. Ты вроде нормальный, не бездельник, а то духи любят ничего не делать, не все, конечно, но многие, приходят кто по призыву, кто просто так, прибиваются, обещают чем-то помогать, а в итоге кормятся на халяву и улетают. Адриан, посмотрев на него многозначительно, кивнул, соглашаясь со стариком, чтобы не прослыть невеждой в глазах нового знакомого.

– Как эти? – кивнул Адриан в сторону женщины и прыгающего подростка.

– О нет, – поправил его старик. Мириам самая сильная, она защищает всех нас и целый табор, еще лечит, сильнее нее только Корунд, демон, но он на цепи, слишком бешеный, останавливаться не умеет. А Антон так, где-то защищает, где-то выполняет мелкие поручения, мальчишка еще, ветер в голове.

Адриан невольно зажмурился, когда женщина с мальчиком приблизились к ним: ощущение ее силы, словно легкое покалывание по всему телу, пронзило его.

– Смотрите, кого я нашел, – начал старик, указав в сторону Адриана. Неплох, а?

– Я Мириам, а это Антон, – представилась женщина, изучая сидевшего перед ней призрака мужчины, внимательно и придирчиво.

– Адриан, – представился он и, подняв голову, посмотрел в глаза Мириам, выдерживая ее взгляд.

«Она восхитительна, – подумал он. – Это лицо!! Бывает холодная красота, дикая красота, но королевская красота бывает очень редко. Когда смотришь на женщину и признаешь за ней абсолютное превосходство, видишь не просто красоту безупречной линии носа, глаз, овала лица, чувствуешь стать и породу, статус, с которым просто немислимо спорить». Глаза серо-синими гроздьями хрусталя уходили далеко вглубь, завлекали, лишали рассудка, смотреть в такие глаза все равно что падать в бездну хрустальных пещер. «Долго смотреть в них опасно», – подумал он.

– Я как раз предложил Адриану присоединиться к нам, – произнес старик, с уважением глядя на женщину, словно ожидая ее согласия.

– Сколько ты уже умер? – спросила женщина.

– Не знаю, – ответил Адриан и отвел взгляд, вспомнив о матери.

– Если хочешь, пойдём с нами, – предложила Мириам, видимо, удовлетворенная тем осмотром, который провела. Старик тут же просиял, радуясь новому собеседнику, впрочем, как и Антон, молча ожидавший решения Мириам. Парень, одетый в простую крестьянскую рубашу, что моталась на нем мешком, больше походил на дуралея, чем на защитника. Адриан, кивнув в знак согласия, поднялся с земли, бросив прощальный взгляд на надгробие матери.

– Куда идти? – спросил он.

⁴¹ Узел Аполлона – волосы заплетались в косички и укладывались на макушке в высокую «корзинку», для устойчивости использовался проволочный каркас.

Поселение цыган являло собой скромный пример кочевой жизни народа, пестрые яркие шатры, пламя костров и необычная речь греющихся возле огня людей, эта атмосфера невообразимым образом окутала его теплом и покоем. Однако было в таборе и кое-что странное, здесь почти не было стариков, он словно обнищал на радость и счастье, лица цыган были хмурыми и унылыми. Легким ветром залетев в один из шатров, они оказались перед цыганкой, неспешно готовившей какое-то травянистое снадобье.

Тшилаба⁴² шувани⁴³ табора была непростительно молода и выглядела немного скукоженной, съезжившейся, так бывает, когда человек рано повзрослел, взвалив на себя проблемы своих близких. Она посмотрела на него внимательно, спокойно слушая шепот старика, чье плоское лицо на фоне горящих свечей выглядело особенно жутко и неестественно.

– Здравствуй, – сказала она, не сводя с него взгляда.

Пытаясь ответить, он не смог произнести ни слова и просто поклонился, продолжая напрягать связки, он произвольно, сам того не понимая, увеличил количество энергии именно в этой области своего эфемерного тела, потому на следующие вопросы цыганки он все же сумел ответить.

– Готов ли ты помогать мне? – властно спросила она.

– Да, – ответил он и не узнал свой голос, такой глухой и хрипый, больше похожий на голос зверя, вдруг научившегося говорить, нежели человека, теперь он понял, что до этого с духами, что пригласили его сюда, он общался мысленно.

– Что ты умеешь? – задала она следующий вопрос.

– Солдат, – коротко ответил он, поражаясь с каким трудом ему дается элементарная, человеческая речь.

– Воин значит, – подвела итог цыганка. Это хорошо, Мириам давно нужна помощь, чтобы присматривать за всем.

– Что ты любишь? – спросила она, смягчив голос, отчего он прозвучал немного ласково, будто она разговаривала с котенком, а не мертвым духом.

– Огонь! – коротко по собачьему, рявкнул он.

– Ну что ж, проходи, найди себе место возле свечей и отдыхай, я позову тебя, когда ты понадобишься, – сказала Тшилаба, вежливо уступив ему дорогу дальше вглубь шатра. Он поступил, как ему было предложено: запах сальных свечей, высушенных трав, пламя лампадки, что горела прямо перед ним, горячее и живое, как те материнские свечи, что пробудили его во мраке ада, – теперь это был его новый дом, где он мог греться и набираться сил, энергия и опыт в мире духов решают все. Это первое, что рассказала ему Мириам, когда он сидел возле одного из костров, погруженный в безмятежность беспомыслия. Не имея цели и руководства к действию, все его существование теперь сводилось к выполнению различных задач, они словно включали его, заставляя действовать и мыслить. Присев рядом, она взбодрила его своим появлением, заставила проснуться и включить осмысленность своего существования.

– Та энергия, которой ты был наделен при жизни и которая осталась у тебя после смерти, заканчивается, ее было много, но она, увы, не вечна. И теперь ты должен сделать выбор.

– Какой? – глядя перед собой непонимающим стеклянным взглядом мутных глазниц, спросил он.

– Остаться лишенным всякого рассудка и памяти призраком, или сущью, либо начать учиться и развиваться и стать сильным духом.

– Если я пойду по первому пути, я ведь буду несильно вам нужен? – безразличным голосом спросил он.

⁴² Тшилаба – ищущая знания (с цыганского).

⁴³ Шувани – цыганское слово, что обозначает «ведьма». Женщина, обладающая особым знанием и способностями, которые могут быть использованы как во благо, так и во зло.

– Боюсь, что нет, – ответила она холодным, непререкаемым тоном судьи и палача одновременно.

– Тогда я скорее пойду по второму пути, – продолжил он, видимо, даже не обратив внимания на ее тон, его голос звучал все так же апатично.

– Тогда начни питаться, для начала вот этим огнем, что толку просто так греться возле него! – теперь ее голос прозвучал куда требовательнее, так что он, повернувшись, посмотрел на нее, он уже не жмурился от исходящей от нее силы, только восхищался. «Какой же потрясающей она была при жизни», – подумал он и впервые за все время улыбнулся, а она ответила на его улыбку своей, чистой, сияющей и теплой. Ее улыбка возвеличивала и сама по себе была источником силы, она приоткрывала ее душу, ее внутренние покои, и они были невыразимо прекрасны и бездонны, как звездное небо.

Объяснив ему, как устроена «другая жизнь» после смерти, она начала учить его, и он послушно следовал ее советам и урокам, осваивая магию, способы потребления энергии и прежде всего огня, знания о других духах и существах и, что было куда интереснее, знания о людях в их бренном тлении. Открывшийся перед ним другой мир завораживал и манил, постепенно вселяя азарт и прививая ему вкус к новому существованию.

Дым и пепел

Помните нас. Ибо мы тоже

Жили, любили и смеялись...

Аврелий Августин «Исповедь»

Вы прибыли в лагерь, из которого выход только один – через трубу крематория.

Слова начальника лагеря Освенцим

Первая мировая война, отгрохотав далекими раскатами грома, не коснулась Адриана и цыган табора, но у фламандца была своя война, и куда более важная для него, он сражался, защищая свою землю, граница которой проходила там, где останавливался, раскинув свои пестрые шатры, табор. Мириам обучила его многому, и ее уроки не пропали понапрасну. Адриан защищал табор, причем под особой опекой была Тшилаба, эта сильная девушка с грустными глазами. Она напоминала ему мать, какой была в молодости, и перед которой, он был непростительно виноват, обрекая на кончину в одиночестве и не проводив в последний путь, даже будучи духом. Поначалу шувани табора относилась к нему с долей холодного безразличия, но, когда он начал везде сопровождать и оберегать ее, привнося в ее жизнь долю своего опыта, сменила «прохладу» на ответное тепло. Зачастую решая сложные вопросы с местными, там, где останавливался табор, она, чувствуя за своей спиной его широкую грудь, вела себя гораздо увереннее, положительного эффекта добавляло наличие у Адриана необходимого опыта, который теперь был доступен и Тшилабе, что в ее молодые годы было немаловажным. Чутье фламандца к засадам и ловушкам, его умением вербовать людей и склонять на свою сторону власть имущих давали Тшилабе необходимые навыки, сделав ее куда более предприимчивой и дальновидной, улучшилось и ее здоровье, за которым теперь также следил фламандец. Забота о шувани была не единственным, что входило в деятельность Адриана, защита табора всегда была основной задачей, и в ней он тоже добился многого, став правой рукой Мириам, а иногда, когда она была занята лечением или участием в каком-то сложном обряде, заменял ее. Раздобыв в одном из боев оружие, представляющее собой шило или скорее заточку с рукояткой как у кинжала, он не пренебрегал случаем применить его, вонзая лезвие в тела врагов, он снискал себе в мире духов славу опасного противника. Присматривал он и за Корундом, демон жил в небольшом сундуке, что-то среднее между шкатулкой и ларцом, и был похож на маленького черноволосого цыганенка, если бы не темный серный дымок, окутывающий его тело, и четыре огненных красных глаза, в которых всегда плескалась злоба: впрочем, иногда,

она имела обыкновение накапливаться и подниматься как вода в колодце, после паводка, и в такие дни исходящий от него запах тухлятины был по-особенному безжалостно смердящим. И хотя о его существовании в таборе знали только «посвященные», Адриану нравилось там, нравилось чувствовать себя членом этой большой и шумной семьи. Наслаждаться ароматами хабе рома⁴⁴ или хабе мелало⁴⁵ с только что испекшимся бокморо⁴⁶, слушать звон бубна, дробящего тишину ночи, и утопать в волшебной атмосфере сладких и буйных праздничных цыганских вечеров, когда лоскутное шитье разукрашенных красками нарядов начинает колоситься и играть под звуки гитар на малиновых лентах. Затем, когда фимиам горячих похвал стихал, и костры горбатых дворов затихали, тускнея, можно было услышать сладкий шепот в лампадном сиянии шатров. Однако все хорошее рано или поздно заканчивается, вопреки неистребимой человеческой вере в утопию. Духи, увы не все могущи, и не все трудности можно обойти или обмануть, изменив ткань будущего, они знают не понаслышке и принимают это. Есть сложные времена, которые иногда все же нужно прожить, уплатив дань жертвой, в такие времена сильные, стиснув зубы, молчат, слабые жалуются, прогибаются и умирают, так и не выторговав у Фортуны свое, лишь им ведомое счастье, впрочем, есть еще и третьи, про которых фортуна просто забыла.

Двадцать первого сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года в Берлине прошла встреча начальника Главного управления имперской безопасности Райнхарда Гейдриха с представителями Полиции безопасности (Зипо) и Службы безопасности (СД). После победы Германии, гарантированной вторжением в Польшу, он намеревался депортировать тридцать тысяч немецких и австрийских цыган из Великого германского рейха в Генерал-губернаторство (эта часть оккупированной немцами Польши не была аннексирована непосредственно Германией). Генерал-губернатор Ганс Франк, главный представитель гражданских оккупационных властей в Генерал-губернаторстве, расстроил этот план, отказавшись принять большое количество цыган и евреев в Генерал-губернаторство весной тысяча девятьсот сорокового года. Однако германские власти все-таки депортировали некоторое количество цыган из Великого германского рейха в оккупированную Польшу с тысяча девятьсот сорокового по сорок первый годы. В мае тысяча девятьсот сорокового года эсэсовцы и полицейские депортировали приблизительно две тысячи пятьсот цыган, в основном жителей Гамбурга и Бремена, в Люблянский округ Генерал-губернаторства. Эсэсовские и полицейские власти отправляли их в лагеря принудительного труда. Условия, в которых им приходилось жить и работать, оказались для многих из них смертельными. Судьба выживших неизвестна⁴⁷. Так начался параимос – геноцид цыган.

Отношение к происходящему у самих цыган, до которых доходили эти известия, было неоднозначным: кто-то брался за оружие, кто-то, собирая своих, старался уйти от немцев как можно дальше или просто спрятаться, кто-то не верил, считая это все выдумками и слухами. Табор Тшилабы, проведя собрание, начал готовиться к отходу, хотя они находились на территории Франции и им пока ничего не угрожало; все понимали, что так будет не всегда, копилась провизия, деньги, наводились справки о состоянии дорог, постов полиции. Звучал и самый главный вопрос. Куда бежать?

Франция объявила войну Германии третьего сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года, однако активных боевых действий вести не стала (так называемая Странная война).

⁴⁴ Хабе рома – суп, готовят его на мясном бульоне, заправленном зеленью: луком, укропом, петрушкой.

⁴⁵ Хабе мелало – «темный» суп, готовится на мясном бульоне из овощей с добавлением баклажанов, отчего и получается темный, «грязный» цвет, давший название блюду.

⁴⁶ Бокморо – цыганский хлеб.

⁴⁷ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ХОЛОКОСТА. ГЕНОЦИД ЕВРОПЕЙСКИХ ЦЫГАН 1939— 1945 ГГ.

Единственной попыткой повлиять на ход войны стала Саарская⁴⁸ наступательная операция, а десятого мая тысяча девятьсот тридцать девятого года немецкие войска перешли границу Нидерландов и Бельгии. В тот же день французские войска вошли в Бельгию. Непосредственно на германо-французской границе боевых действий не велось. Первое боевое столкновение немецких и французских войск произошло тринадцатого мая в Бельгии. В тот же день немецкие войска пересекли бельгийско-французскую границу. Двадцать пятого мая главнокомандующий французскими вооруженными силами генерал Вейган заявил на заседании правительства, что надо просить немцев о принятии капитуляции. Восьмого июня немецкие войска достигли реки Сены. Десятого июня правительство Франции переехало из Парижа в район Орлеана. Париж был официально объявлен открытым городом. Утром четырнадцатого июня немецкие войска вступили в Париж. Двадцать второго июня тысяча девятьсот сорокового года Франция капитулировала перед Германией.

Адриан встретил эту новость достаточно спокойно, многое из его человеческих привязанностей уже перегорело к тому времени, единственное, что его заботило, это судьба цыган табора.

Лейла наследная шувани, которой Тшилаба, должна была передать свою силу, давно жила мечтой дать табору настоящий дом, который бы стоял на их земле. Внешне похожая на тонкий, хрупкий цветок или звучание флейты, всегда улыбающаяся, она производила впечатление человека слабого, легкого, однако это поспешное мнение многих было обманчиво, Лейла обладала силой, не такой, конечно, как у Тшилабы, но достаточной, чтобы позаботиться о судьбе табора. Вместе они решили провести ритуал и узнать то место, где цыганам можно было спокойно осесть. Но, несмотря на их обоюдные усилия и помощь духов в лице Миро и Мириам, у них ничего не получилось, сказывался как страх, ядовитым туманом текший по территории оккупированной Франции, так и груз ответственности за возможную ошибку в выборе неверного направления. Шувани потеряла сон, с мучительной дрожью в руках она пыталась повторить ритуал, но все было тщетно. Адриан был не в силах ей помочь, и заботился, как и прежде, лишь о ее здоровье и защите, впрочем, теперь это было делать гораздо проще. Их маленькое сообщество незримых людей, перестало быть таким уж маленьким. Вначале, еще задолго до начала войны, появился Джура,⁴⁹ вор и кулачный боец многих таверн, где он успел отметиться при жизни, неоднократно подставляя табор, который был вынужден решать его проблемы, Тшилаба даже хотела выгнать его, но не успела. Получив тяжелое ножевое ранение, Джура попросил Тшилабу дать ему разрешение после смерти остаться с ними и уплатить свой долг защитой табора. Потом появились бесы, никто не помнил, как это произошло, то ли Тшилаба провела какой-то обряд, то ли они сами изъявили желание помочь, не за бесплатно, конечно, но, так или иначе, они встали на защиту табора, существенно усилив безопасность цыган. Третьим соратником незримых защитников ромалов стал демон Ур, чья функция защиты была финансовой. Маленький, пузатый, со свисающими, лоснящимися от сала боками и затекшими жиром глазами, он больше напоминал инкуба⁵⁰, чем воина, но с его появлением дела цыган пошли в гору: покупались лошади, обозы, золото цыганских украшений. Однако через некоторое время Адриан все же начал чувствовать угрозу, нависшую над табором, –

⁴⁸ Саарская наступательная операция – наземная военная наступательная операция французских сухопутных войск в Сааре, организованная в начале Второй мировой войны и продолжавшаяся с 7 по 16 сентября 1939 года. Целью операции было отвлечение немецких сил и оказание косвенной помощи войскам Польши, которые в то время безуспешно пытались оказать организованное сопротивление немецким войскам.

⁴⁹ Джура – цыганский вариант имени Юрий, Джордж.

⁵⁰ Инкуб (incubare, «возлежать сверху») – в средневековых легендах распутный демон, ищущий сексуальных связей с женщинами. Соответствующий ему демон, появляющийся перед мужчинами, называется суккуб. Способен питаться жизненной энергией людей, которую он высасывает из своих жертв, по другой версии жертвы отдают ее сами, находясь в экстазе от соития с ним.

тьма, отчаяние и боль ширились в его сознании грозowymi тучами слез, ту же опасность ощутил и Миро, вдвоем они убедили Тшилабу повторить ритуал, но с оговоркой разрешить им войти в ее тело и провести церемонию без ее, как такового, участия. И шувани согласилась. Сквозь туман и людскую боль, переполнявшие тогда землю, что была вспахана котлованами снарядов и горами братских могил, через все эти ужасающие картины искореженных судеб и людских останков они увидели острова, далекие острова, на которых звучала итальянская речь. Италия не сотрудничала в депортации евреев, как в самой Италии, так и в итальянских зонах оккупации во Франции, Греции и Югославии. Поскольку эта страна была полноценным европейским союзником Германии, она могла сопротивляться давлению в вопросе уничтожения евреев, а отдельные силы в Италии защищали евреев от преследований. Цыгане в Италии и на контролируемых ею территориях также были защищены от депортации. Худшим антицыганским действием, на которое пошло итальянское правительство, было изгнание представителей этой группы на Сардинию и подконтрольные ей острова Адриатики. Итальянские оккупационные войска также защищали цыган от преследования со стороны немцев или местных жителей. Убийства евреев и цыган имели место после капитуляции Италии в тысяча девятьсот сорок третьем году, когда немецкие войска оккупировали север и центр страны. Численность жертв среди цыган в Италии по итогам войны была заметно меньше, чем в других странах Европы. Допустимо предположить, что изгнание цыган на острова, которое имело место перед событиями, описанными выше, сработало в их пользу, ведь они сразу оказались вне зоны немецкого контроля. Тшилаба была вне себя от счастья, наконец-то у них появился шанс, и табор начал спешно готовиться к отходу, но с опозданием: днем в лагерь цыган вошли немцы. Это было настоящая неожиданность: держать в руках птицу счастья и увидеть на пороге старуху с косой. Моросил мелкий дождь, бледное унылое небо нависало над табором свежим саваном предстоящей скорби. Немцы, войдя в лагерь, улыбались самодовольной улыбкой кота, нашедшего неглубокую мышиную норку, их интересовали не только документы, которые Тшилаба тотчас им протянула, их интересовали шатры цыган, лошади, цыганские женщины, они даже не пытались скрыть своего интереса, поддевая автоматами подолаы их платьев и приподнимая жакеты, и весело смеялись агрессивно-напуганной реакции девушек. Особенно им приглянулась своей хрупкой, неземной красотой Лейла, лицо которой было перекошено от волнения, хотя держалась она спокойно. Унтерштурмфюрер⁵¹, изучив документы, чуть улыбнулся, вернее, улыбнулись его губы, а глаза остались бесстрастными и внимательными, а у Тшилабы сжалось сердце и рухнуло вниз. Немец, заметив ее трепет, по-садистски подкупающе улыбнулся, видимо, решив поиграть с чувством страха, насытившим воздух. Тшилаба, взяв себя в руки, послала ему твердый взгляд, словно за ее спиной стоял целый бронетанковый взвод. Мириам с невообразимой скоростью меняла стечение обстоятельств этой встречи, одновременно начали действовать и бесы, не особо дисциплинированные, они заинтересовались немцами сразу, видимо, решив поиграть с ними в какую-то свою игру, которая вряд ли понравилась бы последним, но этого было мало, и тут Адриан заметил, как вдруг нескладно, не ко времени с глубоким облегчением вздохнула и выдохнула полной грудью Тшилаба, опустив глаза. Не сразу поняв, что произошло, Адриан машинально повернулся в сторону шатра шувани, незримые цепи, дрогнув, порвались, и Корунд вылетел из ларца, демон был в иступлении от охватившей его ярости и жажды утолить, наконец, голод. Подлетев к унтерштурмфюреру, он вошел в его тело, немец закашлялся, ему вдруг стало настолько жутко, что мысли о цыганских проклятьях сами собой возникли в его мозгу. Демон, выдрав у него кусок энергии, летел дальше, облетая всех вторгшихся на территорию табора немцев, он метил их, запахло гарью. Лейтенант, откашлявшись, думал только об одном, как бы, не теряя лица, покинуть табор, живот скрутил тугой спазм готового вырваться раньше времени завтрака. Собравшись с духом, он решил обернуться и

⁵¹ Унтерштурмфюрер – лейтенант.

сказать солдатам, что они уходят, сказать это с достоинством и по прихоти офицера, отдающего команды, но никого обманывать не пришлось, он увидел перепуганных солдат с трясущимися поджилками; мысли о цыганках напрочь вышиб из их голов привкус тухлятины во рту и явственное ощущение скорой смерти. Немец быстро изобразил какой-то жест, видимо, означающий отход, который те кинулись с фанатизмом выполнять.

– Он их всех пометил, – сказал висящий в воздухе рядом с Адрианом Миро. Редкие из них доживут до конца недели. Корунд любит горелое мясо. Адриан кивнул, теперь им предстояло не уходить, а бежать отсюда, за что ромалы и принялись, сворачивая шатры, запрягая коней, кто-то побежал звать мужчин, которые ушли в город. Меньше, чем через час, все было готово. И тут Тшилаба сделала то, отчего Адриану и остальным стало не по себе, она подошла к Лейле, обняла ее, крепко прижав к себе, и что-то шепнула, та стояла в позе пораженного ударом человека и, медленно повернув голову к Тшилабе, спросила:

– Почему сейчас?

– Так нужно, – ответила теперь уже бывшая шувани. Ты сильная, принять сможешь, не заболеешь.

– Она передала Лейле силу шувани, – прошептала Мириам, в явном шоке от произошедшего. Только Миро несколько не удивился. Потом Адриан, конечно, вспомнит этот его взгляд естественного хода вещей, но на тот момент он был шокирован не меньше остальных, если такое слово, конечно, применимо к духам.

Сквозь щели и прорехи фургонного полога, сочился промозглый октябрьский ветер. Они не останавливались ни на ночлег, ни на привал, и мчались так быстро, что если бы в пути что-нибудь не случилось, то это было бы неслыханное везение. Адриан чувствовал беспокойство и надвигающуюся беду, оно было явным, четким и этот холодок тянулся за ними, несмотря на скорость, с которой они ехали. Где-то вдали появились фары машин. Ромалы, предусмотрительно пересекая главные дороги, каждый раз ныряли в проселочные, и теперь, оказавшись почти рядом с Италией, повторили это снова. Обозы проскочили друг за другом, сдвигая придорожный камень, на который и наскочил фургон Тшилабы, едва не перевернувшись, и правое переднее колесо, слетев с оси, покатило в придорожные заросли. Не заметив отставшего обоза, цыгане продолжили путь. Машины приближались, их огни несли беспокойство, угрозу разделительной черты, прочерка, что вычеркивает имена живых, внося их в списки мертвых или пропавших без вести. Маленький цыганенок, сидевший на вожжах, внук Тшилабы, испуганно смотрел на покосившийся фургон и укатившееся в сторону колесо.

–

Чаворо

⁵²

, забирай гнедого и скачи отсюда! – закричала бывшая шувани, решительно снимая с коня упряжь. Цыганенок посмотрел на нее с непониманием. – Я сказала, уходи! Оставь нам одру

⁵³

и уходи.

– Но мамии⁵⁴! – безвольно воскликнул он.

– Я сказала, пошел прочь! Иначе прокляну! – добавила она, уже начиная нервничать и сердиться. Огни машин уже показались из-за холма. Беги, чавораалэ⁵⁵! А то пропадешь!

⁵² Чаворо – парень/мальчик (на цыганском).

⁵³ Одра – старая лошадь.

⁵⁴ Мамии – бабушка (на цыганском).

⁵⁵ Чавораалэ – сынок на цыганском.

Цыганенок побежал, уже на ходу вскочив на коня, в его глазах стояли слезы. Из фургона Тшилабы, нахмутив кустистые брови, спустился Баро.

– Помоги мне, – быстро сказала Тшилаба. Надо перегородить проселочную дорогу. Ни слова не сказав, он взял под узды коня, разворачивая фургон. Тамара, двоюродная сестра Тшилабы, тоже вылезла из фургона, стараясь помочь.

– Миро дэвэл⁵⁶! (Что ж теперь будет?) – испуганно спросила она.

– Ничего, – грустно улыбнулась Тшилаба.

Адриан пытался обмануть исход предстоящей встречи, но у него ничего не получалось, словно проклятый фургон договорился с судьбой сломаться именно на этой дороге винограда и фруктов, а никак не дальше, где до Италии можно было дойти пешком.

Машины остановились возле фургона цыган. Сидевший в кубельвагене⁵⁷ унтерштурм-фюрер ухмыльнулся, как тот немец, что зашел в табор, неуловимое сходство холодных глаз и презрительной улыбки, одним уголком губ.

– А где же ваша вторая лошадь? – риторически спросил он.

Их погрузили в вагоны, в которых людей было столько, сколько «сельди в бочке», видимо, немцы рассчитывали «засолить» по максимуму, что называется, «от и до», от мала до велика. Сесть и, уж тем более, лечь было нельзя. Ехали долго, несколько дней, периодически останавливаясь из-за диверсий партизан. Не в силах терпеть, люди справляли нужду под себя, где-то всю дорогу плакали дети. Адриан разрывался, пытаясь позаботиться как о Тшилабе, так и о Баро с Тамарой, но это было сложно, почти невозможно. Для Тшилабы ему удалось сделать небольшую щель в креплении вагонных дверей, куда задувал свежий ветер, и старая женщина регулярно к ней припадала, стараясь испить свежего воздуха. Баро держался стойко, хотя и ему не хватало воздуха. Тамару спасти не удалось, она не доехала, и когда поезд прибыл на место своего назначения, ее тело выкинули возле путей, мараться немцы не захотели, за них это сделали другие, увидев цыганское золото на руках и ушах. Адриан, конечно, не спустил этого им с рук, воздав за каждый грамм будущими слезами, но для Тамары это было уже не важно.

Освенцим. Тысяча девятьсот сороковой год, двадцать седьмое апреля – распоряжение рейхсфюрера СС Гимmlера о создании концлагеря в окрестности польского города Освенцим (Аушвиц).

Тысяча девятьсот сороковой год, двадцатое мая – закладка лагеря по приказу Гимmlера на базе казарм польской армии. Первые узники появились в Освенциме четырнадцатого июня тысяча девятьсот сорокового года из тюрьмы в Тарнуве, но перед этим из Заксенхаузена доставили тридцать немецких узников, которые были уголовниками. Первым начальником лагеря стал Рудольф Хесс.

Тысяча девятьсот сорок первый год, июль – в Аушвиц были доставлены и уничтожены первые советские военнопленные из числа политработников и командиров Красной Армии.

Тысяча девятьсот сорок первый год, август – рейхсфюрер СС Гимmlер приказывает коменданту Рудольфу Хессу подготовить лагерь для массового уничтожения европейских евреев и разработать соответствующие методы умерщвления.

Вонючих, грязных, потерянных теперь уже для всех людей гнали к воротам. «Arbeit macht frei», что в переводе означает «Труд делает свободным», – гласила надпись при входе, создавая при этом тщетную надежду у каждого узника. На пути к фильтрационному пункту они увидели,

⁵⁶ Миро дэвэл – Бог мой (на цыганском).

⁵⁷ Кубельваген – легкий штабной автомобиль немецкой армии.

как в траншее горят человеческие тела вперемешку с крупными березовыми поленьями⁵⁸. От этого места шли такие безысходность, боль и отчаяние, что Тшилаба расплакалась, она рыдала навзрыд, упираясь рукой в сетчатую ограду коридора, ведущего узников дальше.

«Вы не люди! Не люди!» – кричали в ее голове души умерших здесь людей.

Ее заливала их боль, их предсмертные муки. Адриан вмещался, сделав усилие, он закрыл ее канал с тонким миром, который еще остался у когда-то сильной шувани, словно отключил звук, после чего стал ее успокаивать, насколько это позволяла обстановка, выравнивая дыхание и замедляя пульс.

Возле одного из длинных безликих зданий их остановили и раздели догола, обнаженные люди прикрывая себя испуганно смотрели на охранников и остервенело лающих собак, что рвались с поводков. Потом их отвели в душевую, где лился сначала кипяток, потом ледяная вода, снова кипяток, – немцы это называли селекцией. Затем на стенах замигали лампочки, пол под ними начал медленно раздвигаться, и они увидели, что стоят на печи. В другом помещении, было огромное количество полок как в бане, заперев там людей, немцы пустили пар, люди стараясь подняться как можно выше падали вниз, но пар продолжал идти. Дальше был двор, Адриан, усиленно заботящийся о Тшилабе, присматривал и за Баро, тот стоял чуть дальше и с трудом держался на ногах. Позже оставшимся в живых велели выбрать из кучи платьев, сшитых из лоскутов, себе одежду и выдали гольщцуе – деревянные башмаки. Затем отвели снова в баню, где стоящим по колено в воде людям накальвали их номера поверх написанных карандашом цифр. Выдав другую полосатую одежду, пахнущую плесенью и тленом, их погнали к баракам.

Только цыгане жили в бараках семьями и после тысяча девятьсот сорок третьего года некоторые еврейские семьи, остальных разлучали, и зачастую навсегда. Тшилаба попала в обычный барак, Адриан, конечно, потом перевел ее в цыганский барак, когда там освободилось место. Черствость и жестокость словосочетания «освободилось место» соответствовали жизни в лагере, смерти, многие моральные устои, отжив свое, умирали, уступая место устоям «выжить любой ценой».

В обычных бараках негласными хозяйками, блоковыми были польки, отличавшиеся особой жестокостью, но Тшилабу это почти не волновало, она замкнулась в себе, сжалась в кокон беззащитной отстраненности. Многие люди, оказавшись перед угрозой собственной смерти, перестают быть людьми, а некоторые даже становятся жадными до мяса человеческих нервов псами, таких Адриан быстро отвадил, вернув их зло против них самих, он создал вокруг Тшилабы оазис покоя, перенаправив человеческую желчь в сторону бесчеловечности этого места. Позаботился он и о матрасе, на котором спали узники, на одном матрасе спало по четыре человека, немцы называли такое расположение валетом попарно, оказавшиеся в лагере французы дали такому способу более гастрономическое название «спать сардинами», но со стороны Тшилабы солома в матрасе всегда была мягче.

Каждый день начинался с проверки, которая назвалась апель и проходила на апельплац, потом узникам давали сладкий чай и отправляли на работы, которые длились с шести утра до шести вечера. Работы были разными, начиная с бомбокомандо – команды узников, которая откапывала бомбы, они погибали каждый день, и их останки даже не пытались собрать; борделя или пуфа, где принудительной проституцией занималось около двухсот узниц самых разных национальностей, были среди них и пуф-мамы – профессиональные проститутки; кибелькоманда занималась развозом кибеля – бочки с баландой; небесная команда подбирала трупы и везла их на мор-экспрессе – тележке для перевозки трупов в крематорий; также узников возили на каторжные работы за пределы лагеря. Тшилаба оказалась в числе людей, которые работали

⁵⁸ НЕИЗВЕСТНЫЙ ОСВЕНЦИМ: О ЧЕМ УЗНИКИ ЛАГЕРЯ СМЕРТИ МОЛЧАЛИ 70 ЛЕТ // TVZVEZDA.RU

в канаде⁵⁹, разбирая и сортируя вещи узников. Дни за днями уходили в бесконечность, молчаливый и хмурый Баро, с которым периодически виделась Тшилаба, держался стойко, хотя приклады и палки часто гуляли по его спине, но когда их глаза встречались, они выражали друг другу все тепло, сострадание и нежность, что еще сохранилась в их сердцах, душах и памяти о прошлом.

Известие о том, что Баро попал к Йозефу Менгеле⁶⁰, «Ангелу смерти», едва не убило ее, сердце стучало с такой болью и невосполнимостью утраты, что она чуть не задохнулась от горя. Адриан присматривал за Баро как мог, но он был не всесилен, единственное, что он успел напоследок – это послал старику легкую и быструю смерть, чем и успокоил Тшилабу, сказав:

– Он ушел легко, легко, легко...

Она еще долго плакала, вспоминая его лицо и ту последнюю связь с домом и родным табором, которую оно олицетворяло. Забота о бывшей шувани стала единственной целью Адриана. Научившись материализовывать некоторые предметы, он стал часто подкладывать ей маленькие сочные зеленые яблочки, она, улыбаясь уголками губ всегда благодарила его, иногда вслух, иногда мысленно, и эти «спасибо» стали самыми дорогими для Адриана словами. Несмотря на нечеловеческие условия жизни в лагере, там все же встречалась любовь, любовь за колючей проволокой, бескорыстная любовь, и выражалась она не цветами как на воле, а кубиками маргарина. В обычный рацион заключенных входил маргарин, и это лакомство – кусок хлеба с маргарином, контрабандой мужчины несли женщинам, чтобы добиться их расположения. Тшилаба тоже получила такой символ «бескорыстной любви» от одного старого цыгана, который узнал ее, когда спустя четыре месяца, она оказалась в цыганских бараках. Он был истощен страданием, такое можно увидеть у раненой собаки или больной лошади. Подойдя к ней в бараке, он сел рядом, она вспомнила его, свою старую любовь тех далеких времен, когда были живы ее родители, а мир не казался таким грубым и мрачным. – Драгомир⁶¹? – спросила она, дотронувшись до его лица.

– Да, – ответил он, протягивая ей угощение. Она заплакала.

– Можно я тебя поцелую? – спросил он.

Она кивнула, успев заметить, как тени улыбок мелькнули на лицах, окружающих их ромалов. На следующий день старый цыган не проснулся и по бараку прошел ее мучительный сдавленный стон невыплаканных слез, а съеденный хлеб еще долго жил в ней теплой свечой воспоминаний. Чтобы как-то спасти желание жить у Тшилабы, Адриан стал тщательнее заботиться о ее сне, делая его каждый раз более ярким и бодрящим, воспевающим жизнь, надежду на лучшее. Когда ему удалось узнать, что их родной табор добрался до Сардинии, и теперь цыгане живут там, он, обрадовавшись, послал Тшилабе этот сон, самый лучший, яркий, счастливый солнечный сон, который она видела за последние месяцы. Сон, где было много радости, еды и моря и где у цыган появились дома и даже собственные лодки, правда, пока только две, но это были их лодки, на которых они выходили в море за свежей рыбой и крабами. Проснувшись, цыганка впервые улыбнулась, рядом не проснулись несколько человек, но она улыбалась, стоя на селекции, которую дважды в месяц устраивали нацисты: с голой обвисшей грудью и худыми выпирающими ребрами она улыбалась, когда осматривающие остановились возле нее и сочли

⁵⁹ Канада – склад с вещами узников.

⁶⁰ Йозеф Менгеле – немецкий врач, проводивший медицинские опыты на узниках концлагеря Освенцим во время Второй мировой войны. Менгеле лично занимался отбором узников, прибывающих в лагерь, проводя эксперименты над заключенными. Его жертвами стали десятки тысяч человек. После войны Менгеле бежал из Германии в Латинскую Америку, опасаясь преследований. Попытки найти его и предать суду не увенчались успехом. По утверждениям ветеранов «Моссада» Рафи Эйтана и Алекса Меллера, они выследили Менгеле в Буэнос-Айресе во время проведения операции по похищению Адольфа Эйхмана, но захватывать его одновременно с Эйхманом или сразу после этой операции было слишком рискованным. Адольф Эйхман – немецкий офицер, сотрудник гестапо, непосредственно ответственный за массовое уничтожение евреев. Заведовал отделом гестапо, отвечавшим за «окончательное решение еврейского вопроса».

⁶¹ Драгомир – дорогой, драгоценный.

ее выжившей из ума, – улыбнувшись, спросила, когда можно пойти на работу. Ей ответили, что скоро и это спасло ей жизнь – рты, не несущие никакой пользы, по разумению немцев, отправлялись в газовые камеры и крематорий. Адриан, неустанно заботящийся о шувани, проникал в ее мир и душу, и то, что ему там открылось, лишило его присутствия надежды. Тшилаба знала обо всем еще задолго до их встречи, она знала о своей судьбе, знал о ней и Миро. Адриан вспомнил его взгляд, когда Тшилаба передала силу шувани Лейле, этот лишенный удивления взгляд, на который он тогда не обратил внимания, объяснялось теперь и предложение Миро пойти с ними. – «Ведь он знал», – понял наконец Адриан. «Он знал все с самого начала, и видя меня, сидевшего день за днем у могилы матери, сделал вполне правильные выводы. Он хотел защитить свою хозяйку, к которой привязался».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.